

УК «Городокский культурно-просветительский центр и
сеть публичных библиотек»
Отдел библиотечного маркетинга

*Мамара
Шагалеева*

ЛЮБОВЬ НА
МОЕЙ СТОРОНЕ

Ответственный за выпуск : А.В.Абрамова
Компьютерный набор и оформление : И. Е. Башмакова

Контактная информация :
г.Городок,
ул. Ленинская, 4
Тел.: 4-51-76

Шагалеева Тамара Архиповна родилась 25 февраля 1947 года в деревне Веремеево Первомайского сельсовета. Детство и юность прошли в деревне Поташня. Училась в Первомайской восьмилетке и в СШ № 1 г. Городка. Ещё ученицей увлеклась литературным творчеством и краеведением.

Высшее педагогическое образование получила в 1969 году и до 1975 года работала в школах Псковщины. В 1975 – 1991 г.г. – на педагогических должностях в Городокском районе. В 1991 – 1995 г.г. была младшим научным сотрудником Городокского краеведческого музея и по совместительству преподавала историю Беларуси в СШ № 2 г. Городка, а также проводила занятия краеведческого кружка в Доме пионеров. Последние десять лет трудового стажа отданы преподаванию литературы в СШ № 44 г. Витебска. Литературное творчество и краеведение сопутствовали педагогическому труду. Тамара Архиповна собирала материалы и организовывала работу Комнаты боевой Славы и школьного музея в Обольской и Стадолиценской школах. Стихотворения и проза (научно-популярные статьи) публиковались в районной газете и в хронике “Памяць”.

Нам з табой, зямляк, пашанцавала:
Дзіўны край Зямля падаравала,
Стужкамі дарог паспавітала,
Песень мілагучных назбірала.

у бярэзніках, на ўзвышшах,
ля азёраў на імхах,
дзе глядзіцца ў Азярышча
наш агульны з Руссю дах.

Сінімі званочкамі старонка
Скроні гарадзішчаў прыбірае.
Толькі час падыдзе для рамонкаў –
Раем край радзімы называем:

траў рэліктавых раздолле
і птушыных спеваў сплаў –
вось такое наваколле
дбайны продак перадаў.

Родныя набожнікаў узоры
Вытканы рупліваю рукою.
Памяццю асветлены прасторы,
Промнямі трывожнага настрою:

у падоўжаных курганах
даўніх продкаў тонкі след,
абярэгі, талісманы –
звыштрагічны амулет.

Нашы рэкі з Агнеш да Асечы
У войны напіваліся крывёю,
Плынь і не пяс і не шчабеча –
Грымаціць апошняй зводкай бою

над шашою, над прасёлкам,
над мяжою, над палях,
слава тых, нідзе не змоўкне,
хто палёг за родны шлях.

На суглінках мы пашчыравалі,
Лён расцілі, горад будавалі.
Лёсам так было наканавана,
Шчасце нам у тым падаравана.

перадаць праз пакаленні
замяніўшым на раллі,
што дастойна пакланення
тое, як мы тут жылі.

Песенька даўня, песенька матчына:
“Старонка родная, радзімы край...”
Ільнінка кожная ў яе занесена,
Гарушка кожная – з яе ўзлятай!
Ты з гэтай песенькай рэдка сустрэнешся:
Усе грымлівыя гучаць цяпер.
Але нядоўга ўжо. Напеў той вернецца,
Усім спатрэбіцца, ты мне павер.
Пра белы росанькі, пра зграю воранаў,
Пра кроў гарачую ды на снягу...
І песню ціхую, песеньку матчыну
Ў натоўпе горада я зберагу.
Калі, здарожаны, з яе мелодыяй
Да маёй рэчанькі падыдзе ўнук,
Адмые стомленнасць вадой халоднаю,
Шчаслівы ўзыдзе ён на зелен луг,
Песенька ціхая, песенька матчына:
“Старонка родная, радзімы край...”
І гэту простую, святую спадчыну
Таму, хто ўслед ідзе, ты перадай.

Роднае слова

Слова роднае! З ім успрымаю
Адгалоссе і пекла, і раю,
І пялёсткі вясновага гаю,
Чую: “Раю, гукаю, кахаю!”
Слова роднае перададзена
Праз стагодзі раднёю прадзедаў.
Шлях, кудзеля, ралля і прадзіва –
Так і лёсу сцяжына пракладзена.
Слова роднае! Ім пакліча
У апошні свой час матуля,
Быццам клін журавоў курлыча.
Як пакіну яе адну я
Пад сасёнкаю, у канцы шляху,
Дзе ні печы і дзе ні даху?
І сама там калісьці злягу...
Прагукаць бы вяснянкай абсягу:
“Людзі добрыя! Вечны Божа!
Як у родных абшарах прыгожа!...”
Знаць, ніколі не буду гатова
Край пакінуць і роднае слова.

Сборник “Боль”

Данный сборник включает стихотворения, написанные по впечатлениям от воспоминаний жителей Городокщины о войне и на основе краеведческой работы автора.

Стихотворения написаны как на белорусском, так и на русском языках.

Гарадоцкая трагедыя. Ліпень. 1941

Па матэрыялам архіваў вядома, што з 10 па 15 ліпеня 1941 года 214-я дывізія 22-й арміі вяла баі за вызваленне станцыі Гарадок. Жыхары вёсак Лажані, Прудок успаміналі, што пасля баёў на вуліцах і дарогах ляжалі загінуўшыя чырвонаармейцы. Ля былой вёскі Беляі нешматлікія адыходзячыя часткі 214-й дывізіі пахавалі сваіх загінуўшых, зачыніўшы пахаванне ўзрываю. На гэтыя астанкі воінаў натыкаліся рыдлёўкі жыхароў в. Лажані – рамонтнікаў шашы ў час акупацыі.

Ужо смакуе немец Гарадок,
Купаецца ў водары фіялкі,
Зубамі доты лезуць між дарог...
Смярдзіць нам куляй, вісяльняю, палкай.
Ноч ліпеня ля станцыі Прудок
Прымае абаронцаў з эшалонаў,
Баі раўлі за вышыні грудок,
Лясок малы і за лужок зялёны.
На крывяносным скрыжаванні жыл –
Шашы вядомай і вузла чыгункі –
Час кулямі і мінамі завьў,
Жыццю не абяцаўён паратунку.
Нахабныя захопнікі вялі
На жменю лёгкіх танкаў і пяхоты
Гурты смярцей... Жадаючы крыві,
Шалелі доты, дзоты, самалёты...
На дзень чацвёрты – кола акружэння,
А марылі – падтрымка ад сваіх.
Трагедыя з трагедый – наступленне,
Калі краіна ў руках чужых.
Мятровы крок – вялізарны бар’ер –
Чыёсь жыццё забраў – не забываем...

Нам балацінка, поле і кар’ер
Іх голасам даносяць: “Паміраю...”
Ды толькі ўяві: бясконцы строй –
Няўпольна прэ раз’юшаная зграя,
А супраць – родны казачны герой –
Адбегшай арміі часціначка малая...

Героі! Героі! Героі!
Прабітай каскай, абгарэлай зброяй
Знаходзім Вашай мужнасці сляды –
Патрыятызму мерай і бяды...

2020

Дом героя

Школьнае лета вяло да вёскі Мяжа ў 60-80-я гады 20-га стагоддзя шмат вучнёўскіх атрадаў з усёй Віцебскай вобласці. У 1970-ым годзе там былі халамерскія вучні. У 1976-1982 гг. турыстычныя паходы ў вёску Мяжа, дзе стаяў дом Героя Савецкага Саюза Арсенція Яфімавіча Казлова, рабілі вучні і настаўнікі Стадолішчанскай школы. А. Я. Казлоў нарадзіўся ў 1919 годзе ў вёсцы Газьба, памёр у 1971 годзе ў вёсцы Мяжа Гарадоцкага раёна.

Драўляны дом, блакітам – афарбоўка,
І двор звычайны для сялянскіх спраў,
Дзе срэбрам над верандаю – падкоўка,
Вудзільнаў гаспадар загатаваў.
Прывабныя разныя аканіцы.
І роўны самароблены паркан,
Пад вокнамі бурліва весяліцца
Аднекуль перавезены каштан,
У белым – печ, у чырвані – падлога,
Няма ні дываноў, ні крышталёў,
Звычайна, па-сялянску строга,
Нібы да родных трапіў ці дамоў.

Агледзімся ў пакоі дружным строем,
Шукае вока след ваенных спраў-
Не бачна: нашаму Герою
Такі дамок народ пабудаваў,
Як ён жадаў: мець асалоду – хату,
Дзе б добрае і мірнае жыло,
І каб яна напамніла салдату

Маленствам дараванае сяло.
Каб ён у благаславленным краі
Радзей і не балюча ўспамінаў,
Як гінуў на ўспененым Дунаі
І лодку на барбовай хвалі гнаў.

...
Не бачылі цікаўныя турысты
І нават фотаздымкаў “пра вайну”,
Не змог Герой бядой абразіць чыстую,
Смалою залачоную сцяну.

2019

Лісты ад героя

Свае лісты з франтоў вайны да сям’і Герой Савецкага Саюза Рыгор Багданавіч Багданаў падпісваў “Грыша”. Ён быў смяротна паранены ў баях на Дняпры. Яго батальён гераічна вызначыўся ў час гэтай аперацыі. Два лісты Р. Б. Багданава ў 70-я гады 20-га стагоддзя зберагаліся дырэктарамі Бяскатаўскай і Стадолішчанскай школ, потым зноў вярнуліся родным. Карабкоўкі і антонаўкі зберагліся на радзіме Героя ля вёскі Марцюшы.

Матулі адгукаўся Ён на “Грыша-а!”
З вайны дамоў ласкавае напіша,
Запэўніць: “Разаб’ем фашыстаў!”
І пажадае дома мірных спраў...

...
Вайна... Дняпром Радзіму падзяліла...
Нянавісцю раку заледзяніла...
А Ён! – Во мужнасці-адвагі сіла! –
Вайну прайрваў, на правы бераг стаў,
Сабой прабіў... Іванамі... Пятрамі...
Як волаты – яны між берагамі –
За вышыню – жалезам і зубамі,
Ды сэрцам... І не ўсе ўставалі...
А Ён у пекле тым трываў,
Ішоў і веў на доты-кулямёты
За дзіва-карабковачку за плотам,
За мірныя матуліны турботы,
І каб яна ў вечаровай цішы
Малых збірала: “Пятрочак!

Янка!

Грыша 2018

Хатні дождж

Па ўспамінам Фрузы Пятровай (нарадзілася ў вёсцы Верамеева). Яе бацька – удзельнік Вялікай Айчыннай, Пятроў Дзмітрый Пятровіч, памёр у шпіталі і пахаваны ў Невельскім раёне. Ён не дайшоў да дому з паўсотню кіламетраў, і яго малыя дочки, Таццяна, Фруза і Паша, зведалі сіроцтва.

Любата – гурковае надвор'е
І грыбны, з вясёлкаю, няроўны,
І забойны з градзінамі дождж,
Ад яго дабра ўсюды поўна,
Збажыны!..Ды помню, анягож:
Дома мы, і дождж пануе дома,
На стале, на ложку, на плячы,
З вільчака ад'ехала салома –
Ручаям не сорамна цячы.
Дзеці ж...не прагонім небараку,
Не супынім злога ад граху,
Бо вайна нам не вярнула бацьку...
А каму ўзняцца на страху,
Бо ўсе вясковыя суседзі
Не змаглі вярнуцца ў дамы?
Залівень чакаў, калі прыедзе
Першы непаранены з вайны...

2018

Каскі

Вёскі, дзе я бачыла ў 50-я – 60-я гады 20-га стагоддзя, як выкарыстоўваліся нямецкія каскі: Вокшава, Верамеева, Седуны, Бычыха. А каска савецкага салдата, прабітая, іржавелая і сёння ляжыць на салдацкім пахаванні на Скрылёвай гары.

Іваніхі, Лёнчыхі ды Петрачыхі
У вёсцы маркотнай жылі,
Малечу жалелі і, сумныя, ціхія,
Калгасную працу старанна вялі,
Цягнулі плугі на барозны забытыя,
І крылі аерам галечу-двары,
Варожыя каскі, уцалелыя, бітыя,
У побыце кожнай удовай былі,
Сабак з іх кармілі ды бульбай накладвалі,

Ды з прыбіральняў выкульвалі гной...
Мо здзекліва, поўнай знявагаю,
Квіталіся з немцамі ўдовы, з вайной?
2019

Мар'ямполле

Па ўспамінам жыхароў вёсак Янова і Шыкені Джаўгапольскага сельсавета Кузняцова В. С. і Іванцовай З. Р. вядома: ва ўрочышчы Мар'ямполле, у кіламетры ад Янова – на паўднёвы ўсход – загінулі ў пачатку акупацыі параненыя савецкія байцы. Яны знайшлі прытулак у будынку былога маёнтка героя вайны 1812 года, палкоўніка А. К. Карнава, дзе ў савецкія гады працавала школа. Калі аб іх немцы дазналіся, загінулі болей дваццаці чалавек параненых, якія не здаліся без бойкі.

Дзе руіны – гарынкі прывабныя
За маліннікам, за палыном,
Жыў ваяр знакамiты, услаўлены
Незабыўным Барадзіном.

Да Вялікай Айчыннай, бязлітаснай
У маёнтачку школа жыла,
А вайна пуцявіны заблытала,
Па навукам і лёсам вяла.

У сорак слёзным Свае па ўскраінам
Прыміналі рамонкавы снег,
Адступалі, пакінулі раненых
На часовы гаротны прыбег.

Зеляніна ім – летняе сховішча,
Люд мясцовы нядужных карміў,
Абаронцам нямоглым, не тоячы,
Праўду рэзаў, а раны прамыў.

Пра імёны-рады не пыталіся,
Бо адказ – на сукроўі бінтоў,
І радкі мае ломкія склаліся
З набрынялых удзячнасцю слоў.

Адбылося парою сунічнаю,
Лепей нам і не ведаць аб тым –
Пагарэлі, бы свечы грамнічныя,
Дом і людзі з сусветам сваім.

Наляцелі на раны – гарматамі,
На пакуты – шалёным агнём,
Узнімалі штыкамі, гранатамі
У нябёсы і душы, і дом.

Грыманула бядой над мясцовасцю
І над мужнасцю, і дабрынёй,
Па няўмольнасці бойня, суровасці –
Напамін аб Галгофе былой.

Разам з домам яны і загінулі
У пачатку пякельні вайны,
Нам ўдзячную памяць пакінулі –
Не скарыліся ліху яны.

Мар'ямполле. Руіны ўбраліся
І маліннікам, і палыном,
Дзе ўзгорак трагічна ўславіўся
І не толькі Барадзіном.

2005

Хадулова Гара

За вёскай Новы Болецк, на Хадуловай Гары, два помнікі. Ініцыятарам іх пабудовы былі ў канцы 70-х 20 стагоддзя партызаны Тамара Залесская і Павел Кнураў. Тут былі расстраляны маладыя патрыёты Гарадоччыны. Расправу назіралі хлопчыкі-пастушкі. У 70-80-я гады Залесская прывозіла сюды хор ветэранаў з Віцебска ў Дзень Перамогі, а вучні Стадолішчанскай школы чыталі вершы і стаялі на ганаровай вахце.

Запанела душа: не пье, не баліць,
Успамінамі лёгка яе палячыць...
Медунічны ўзор, патаемны ўзнор,
Абяліскі-мячы ля дарожных равоў,
Нараджаецца боль, распаляецца кроў,
Даляцелі падзеі ваеннай пары
З маляўнічай, сунічнай, прыдарожнай гары...

Апаведаў стары: “У вайну ў гушчары
Малышня-пастухі назіралі растрэл,
Кожны з іх на жыццё пастарэў:
Пастралялі прыгожых, укінулі ў роў –
А забойцы спакойна кацілі дамоў.
Сведка-вечер дзявочыя косы люляў.
Варушыўся пясок, нібы нехта ўставаў...”

Што гадоў з той пары!
Прамільгнуў амаль век,
Але дойдзе сюды, памаўчыць чалавек,
Абуджаецца боль, узгараецца кроў –
Не спявае душа, не праменіць любоў.
2003

Лёс

*Мастак Уладзімір Вальноў, адчыняючы свае выставы, апавядае, як
знайшлі яго маленькага воіны-вызваліцелі пасля бою ў акопе паміж
Віцебскам і Гарадоком. Косава Аліна Васільеўна (Гарадок) успамінала, як ў
час баёў беглі мірныя жыхары далей ад дарог. Жылі ў пунях і еўнах, дзяцей
трымалі ў акопах, накрываючы коўдрамі і падушкамі.*

Знайшлі салдаты немаўля ў акопе.
Шукаліся ратункі ад бяды?
Ні маці і ні ежы, ні вады,
Святлеюць вочы – добрыя агні.
У падале, адкроеным Еўропе,
Смяротныя баюшканнігулі,
Дывізіі палеглі ў акопы,
А хлапчыня ўратаваць змаглі.

Ішлі гады. Да помнікаў на плошчы
Кладзе нястомнай памяці сляды,
Памножаныя на шляхоў клубок,
Уратаваны яснавокі хлопчык
І мірны беларускі Гарадок.
2005

Асабістае

Ля калыскі – Параскева, Ганка –
Вы бабулі любыя мае,
А дзядулі на каменным ганку
Гаманілі б, можа, пра мяне.
Можа? Мабыць? Не было, не будзе,
І не сутыкнуліся нідзе.
Але вельмі я жадаю, людзі,
Каб яны сустрэлі тут мяне,
Дзе зямля перажывала студзень,
У капежы чулася вясна.
У адзіноце падалі мне грудзі...
Дарагіх не верне ўжо вайна.

2010 г.

Дзе нашы замкі

Як Пімены, мы край летапісалі,
Разумнікі чужыя дакаралі:
“Дзе вашы збудаванні-камяніцы?”
Дражнілі: “Небагатыя крыніцы,
І як вакол нямерана балот,
Малой пейзаж, не здабывай турбот”.

Было балюча: замкі існавалі
У Езярышчы ды і ў Гарадку,
На пуцявін вялізарным вітку
Баі ды ваяводы пахавалі,
Згінулі замкі ў вогненным вяку.
На абарончых забудоў сляды
Нанеслі глею скорыя гады.

Айчынная па звонніцам-байніцам
Гарматных горлаў выверыла спеў,
Гарэлі лёсы, замкі-камяніцы...
І з гэтага нядобры кпіць умеў?

Даўно спяваюць маладое птахі.
Мы новыя ўзгадавалі гмахі.
Будыніны жылля і новай школы
Гарушкамі разбегліся ў долы,
А вежа, увазнесеная ўноў,
Спявае роднай розаю вятроў...

Дзівуецца, як сведка нашых страт,
Абараніўшы Гарадок салдат:
Руінамі запомніў голы горад,
А бачыць, як шчыруе юны волат.

2005

Трактарыстка

*Аляксандрава Антаніна Сяргеёўна і яе землякі–сучаснікі з вёскі Обаль
успаміналі ў 80-я гады 20-га стагодзя, як нялёгка працавалася гэтай
жанчыне на трактары ХТЗ у пасляваенны час.*

Пасля вайны здзічэла глеба,
У сіле вялізнай мелася патрэба,
Яна ж – дзяўчо маленькае ў спадніцы,
Але і ёй было чым ганарыцца.

Свой ХТЗ любіла, успамінала,
А працадні нялёгка зарабляла,
Гадзіны буксавалася ў гліне...
Спыняемся на гэтым успаміне:
На неруш маляваліся барозны,
Злівалася і “раніцой”, і “позна”,
Даймалі недзявочыя пакуты,
Смуродныя салярка і мазута
Чарнілі ёй ватовачку і косы,
І лёсу нежаночага палосы,
Даконвалі працяглыя рамонты
Працоўнаму недапамогай фронту,
Паломка і – бягом да “эмтэса”
Цераз імжы каляную завесу.

Пагардліва ўсміхаліся мужчыны,
Яе ўвагі хлопцам – ні хвіліны,
Яе трывога – трактару і хлебу,
Усмешка – полю мірнаму і небу.

Сучасным нам, не толькі ў спадніцах,
Яе нязломнасці ці лёгка навучыцца?
2016 г.

Размова грыбнікоў

У лесе, каля былой казармы 523 км, маецца падоўжанае ўзвышша. Мясцовыя жыхары лічаць яго насыпам ад вузкакаляйняй чыгуначнай лініі да ваенных складоў з боепрыпасамі, а побач да 90-х гадоў 20-га стагоддзя былі бачны сляды пахаванняў з правільна размешчанымі магіламі. Былая жыхарка Паташні Ягорава Ефрасіння Іванаўна ў 1975 г. расказвала, што гэтыя былі пахаванні нямецкіх салдат. Мясціны забалоціліся пры пабудове дарогі на лесасеку ў 90-я гады 20-га стагоддзя. Грыбоў тут поўна.

Бабуля: “Не бойся лесу: ягады, грыбы,
Ніколі не накінецца ваўчыца...”

Дзяўчо: “А во яна – багатая грыбніца!”

Бабуля: “Не, мы збіраць не будзем, не бяры...”

Пазніклі ўжо выспачкі, груды...”

Дзяўчо: “Грыбочкаў шмат!”

Бабуля: “Бачу, бачу, не бяры.

Ідзем жа на суседнія груды!

Ужо табе відно: “Вузкаккалейка!”

Мо тыя, хто ў вайну яе вялі,

І пахаваны роўна, бы з лінейкай.

Ці дрэнна? Я казалася: не бяры,

Узраслі над смерцю гэтыя грыбы”.

Гады прайшлі, і немцаў пахаванні

Сыйшлі ў туманаў сівое калыханне,

Прырода ў нас прымусіла германцаў

Грыбамі, не курганамі застацца.

1999 г.

Ля гор Вераб'ёвых

*Аб выратаванні Іды Дабрамыславай падчас растрэлаў немцамі
жыхароў Гарадка.*

Дзіцячыя вочкі ўгледзілі помнік,
Дзе сёння люляе ласкава вясна.
Малая не знае, а сталыя помняць,
Як палявала на родных вайна,
Парадак палону Радзіму зняволіў.
Як людзі – не болей чам звалены лес,
І юныя зведалі горкую долю,
Жахлівыя вобразы вораг прынес,
Дзялілі па форме і колерам вочы,
Абразілі гетам прываблівы кут,
Нудзіліся людзі ў доўгія ночы,
У ранне – бязвінных вялі да пакут,
Вялі да растрэлу вайной паланёных,
Да гор Вераб'ёвых – жанчын і дзяцей,
І маці ратуе малую з калоны:
“Бягом! Бараніся, крывінка, лаўчэй!”
Малую Радзіма ад ліха затуліць,
І выведзе просінь да мужных людзей,
Дзе чорныя вочкі ўкрылі матулі
За родныя гронкі блакітных вачэй.

Па любаму краю ўжо не страляе,
Ды побач бадзяецца злыдня-вайна,
І новых пакутнікаў неба прымае,
Дзе мала каштуюць жыццё і вясна.
Ля гор Вераб'ёвых, дзе вецер балюе,
Пачуе дзіця: “Бараніся хутчэй!”
Матуліна сэрца знябыту ратуе
Усе пакаленні дзіцячых вачэй.

2005 г.

Вёска Камета

Жыхарка вёскі Обаль Аляксандра Антаніна Сяргееўна ў 1985 годзе ўспамінала, як загінуў на рацэ Обаль камсамалец Анатоль Грыгор'еў, прыкрываючы адыход таварышаў-партызан ля былой вёскі Камета.

Вясёла жылі, Вы - сяляне-паэты,
Радзіму сваю велічалі Каметай.
Рака да паўночнага мора ляцела,
А вёска ў бяздонне рачное глядзела.

Мясціны! Не будзе падобнага ў свеце.
Ды ўжо не ўзрадзіцца дзівоснай Камеце.
Рака сваё срэбра да мора даносіць,
А кнігаўка з берага жалем галосіць.
Суровай вайною, марознай парою
Юнак ратаваўся ў плынь галавою
Пасля адзінокай святой абароны,
Калі не хапіла самому патрона...
І вёска - за ім... Але звыкла Камеце
Легендай трывогі з'яўляцца ў свеце.

2007

Раскопкі

Прысвячаецца археолагу Каласоўскаму. Ён ў 1992 годзе кіраваў раскопкамі каля Гарадка з удзелам юных краязнаўцаў і вынес з кургана небяспечны боезапас Вялікай Айчыннай.

Даследуем былінныя курганы,
Шукаем старажытнага сляды.
Не ведалі, а лесам захаваны
Вайны далёкай носьбіты, бяды.

Рыдлёўкаю снарад амаль бліскучы,
Крануў юнак на залатым пяску,
У сэрцы кожным – дрот калючы:
“Айчынная палюе ў ляску!”
“Загінем? Божа, дзе ты?
Зачым свяцілам лецейка нагрэта,
На волі загуляла ды гуло,
Цікаўных да курганаў давяло,

Нібы вайной падкуплена было?-
Пабегла думка горкая наўкола...
Бярэ снарад у рукі археолаг –
Ён намі на раскопе кіраваў -
Вайну забраў, рукамі смерць узняў
І абяззубіў злосную ваўчыцу.
Маім слязінам ліцца – не спыніцца...
Ды чую: зноў зашоргалі рыдлёўкі,
А ледзве-ледзь вайны пагрозы змоўклі...

Не помсцілі зялёныя курганы,
Дзе летуценні продкаў захаваны,
Нам прыгавор не вынесла вайна,
Зноў мужнасцю знясілена яна.

1999 г.

Гібельны прыцэл

*Памяці П.М. Соснера, дырэктара Вархоўскай сямігодкі і завуча СШ
№1 г. Гарадка, інваліда Вялікай Айчыннай вайны*

Раніца нязгасная – юны шлях,
Дума аб настаўніку – ветлы птах,
Крыламі чароўнымі абаўе.
Любыя, далёкія вы мае...

Ранне самастойнае сустракаць,
Любаму настаўніку вырай выпраўляць...
Смаляная мужная галава
І крыло спусцелага рукава...

З выраю вярнуліся, а яго – няма,
Болем адгукнулася, адняла вайна,
Ён “дарунак” вогненны ад вайны насіў,
Які сэрца шчырае супыніў...

Болей не адчужаем дарагой рукі -
На прыцэле гібельным
Франтавікі.

2005

Герой

Успаміны аб сустрэчах у 1950-я гады з удзельнікам Вялікай Айчыннай Івановым Васілём Фёдаравічам (Першамайскі сельскі савет). Ён, выклікаючы агонь на сябе, быў цяжка паранены, і твар яго не пашкадавала вайна.

Перамагалі мужнасцю сваёй,
Малых страшылі выглядам калецтва,
У памяці жывеце вы маёй,
Як арытмія маладога сэрца.

Спалялі войны вочы, валасы,
Ірвалі ногі, руйнавалі косці,
Бо сорам бачыць з-пад бяды-касы
Выяву чалавечай прыгажосці...

Пяцігадовай і не адсачыць,
Чаму блакіту сонечнага вочы –
Не ля прыгожай і жывой шчакі,
А ля такой, што не сасніць бы ноччу.

Калі далоні-воблакі ляглі
На мерзлыя мае ад жаху плечы,
Хвіліны зноўку мірна пацяклі
У дабрыні вясковай цёплай печы.

Ды суцяшэннеем тое не было –
Было часовым ад вайны ратункам,
І зараз я, калі яно ўсплыло,
Мярцвею перад тым малюнкам...

Ласкаваю шырокаю рукой
Герой люляў дзяцей і лашчыў поле,
А вінаваціў у бядзе сваёй
Вайною пераеханую долю.

У спаленай вёсцы

Вырваўся ў вёсцы Зялёнаўка з вогненнай карніцкай пасткі толькі так і застаўшыся сямігадовы хлопчык Віця. (Па матэрыялам падарожжа з вучнямі ў 1980 г. Стадолішчанская школа 7 клас)

Дзе далоні лагоднае неба
Давяло да каралін расы
І вясёлыя промні ля грэблі
Мыюць дзецям-лугам валасы,
Дзе кахае і дыхае маем
І чаканнем вясновым зямля,
Мы спакою і раю не маем,
Бо не вёска вакол, не ралля.
Зруйнавана прыволле вайною...
Не забылася вёска мая:
Вурдалакі жывою крывёю
Налівалі тут кубелы зла

Не забудзе пакутніца-маці,
Чуе, чуе яна праз гады
Слёзы – вокліч апошні дзіцяці:
“Запалілі! Гару я! Вады!”
Ён да маці ляцеў, распадаўся,
Цела еў ненажэрны агонь,
І галоўкай, жывой яго, маці
Апякла ратавання далонь.

2005

Пажаданне

Сцеражыце край, бараніце
І ў дзятлінцы, і ў жыце,
І ў шэрані, і у тумане.
Не дай, Божа, ліхіх світанняў.
Зберагайце край ды блюдзіце
І бяспмяцтвам не краніце
Ні ў добры час, ні ў замяць
Абаронцаў Радзімы памяць.

Дзятлінка – (мясцовая) белая канюшына

Дзень вучэнняў

У час вайсковых вучэнняў далятаюць з палігонаў на Полаччыне і Віцебшчыне да нашых мясцін гукі навучальнай вайскавай бойкі.

Апошні дзень лета, а сонечна, светла,
Нібыта ў першы.
Даруюць паэты аб гэтым сусвету
Шыкоўныя вершы.
Але во паслухай! Ідзе грыматуха,
А неба – раскаты.
Не ліўні збіраюцца, а навучаюцца
Войнам салдаты.

Апошні дзень лета. Ад сонца сусвету
Святлом – засцярога:
Вайна прадзіраецца, зноў падбіраецца
Вечнай дарогай.

Апошні дзень лета з вяргінным букетам –
Паўночная сага,
Дзе ўзносяцца гукі смяротнай навукі
Над родным абсягам.

Складаю трывогу і боль-засцярогу
У калянныя вершы,
Гудзе над Радзімай, пакутнай адзінай,
Нібы ў сорак першым.

Зруінецца зноў дарагі Гарадок
У дрыготкі лісток?
Гудзе і грыміць... Людзі добрыя! Гэта –
Апошні дзень лета?

1991

Панька мая

Ад жыхарак нашага раёна чула ўспаміны ў 90-ыя гады 20-га стагодзя аб тым, як дачкам загінуўшых удзельнікаў Вялікай Айчыннай даводзілася быць нянькамі ў іншых сем'ях. Тыя ўспаміны даверылі мне Вольга Ягорава, яўгенія Дземідзенка, Таццяна Іванцова (в. Зуі, г. Гарадок, в. Шыкені)

Заве мяне паняй суседка мая,
Папракае любая, добрая душа:
Некалі два леты гушкала братоў,
Крыўду адчуваю за карою слоў.

Якая я пані барыня? Наўрад.
І гатую лёсу аўтарскі агляд:
Па-савецку дбайна працаю жыла,
У калысцы мо і паняю была.

Нібы на дарозе гонкая лаза,
Адзіны ратунак – горкая сляза,
Выказаў нязгodu – і ляці на лёд,
Таго не пісалі, гэтым жыў народ.

Калі ж Вольга кажа: “Панька мая”, -
Я адна пачую: “А была ж вайна!”
Прабіўся твой бацька, па бойцы дайшоў,
Мой жа – не вярнуўся, броду не знайшоў,
Сіроцкага хлеба наелася я,
Не пярэч, не трэба, панька мая.

2007

Пасляваенныя ночы

Шматлікія ўдзельнікі вайны пасля цяжкіх кантужанняў і раненняў не жадалі, каб пра іх пісалі і казалі “інвалід”. Яны жылі, пераадольваючы боль цела і душы, працавалі, расцілі дзяцей: сярод іх Ганчароў Пятрок (Бычыха), Графімаў Архіп (Паташня), Косаў Васіль (Лажані), Кузняцоў Сяргей (Янова), Хваль Уладзімір (Вархі) і сотні іншых землякоў.

На далёкім паўночным фронце
Ён агонь на сябе выклікаў...
Мірнай ноччу ў адноўленай хаце

Бацька толькі засне, “ваяваў”:
Выгукаў ён сяброў баявыя імёны,
Накіроўваў гарматныя стрэлы, пальбу,
Мы, малыя “ў штрафныя ішлі батальёны,
Мінаносцы варожыя клалі ў ваду,
Дзе высокая хваля паўночная плача...”
Не было ад вайны і дзяцінства бранёй,
Засынаючы чулі, а соннымі – бачылі,
Як памылку разведкі змывалі крывёй.
Да світання ў роднай, у хаце
Пасяляўся ваенны прывід.
І таіла паперка ў ваенкамаце:
“Так пакутваў вайны інвалід”.

2000 г.

Тры лыжкі крупені

Памяці Марыі Васільеўны Архіпоўскай, настаўніцы Вархоўскай школы. Напісана на яе ўспамінам аб знаходжанні яе з чатырохгадовай сястрой Зояй у нямецкім лагеры ў Гарадку на Чайнай гары.

Маленькім Зоі ды Марыі
У лагеры варожым жыць,
Дзе з халадэчы цела ные
Ад голаду нутро гарыць.

Яны, худзенькія, з-за плота,
З-за дроту збеглі ў Гарадок,
Каб нехта выказаў турботу,
Дзеля Хрыста ім дапамог.

У хату – з хаты – усё саздзьмула,
Галеча – пані ў Гарадку.
Але вось дом: сядзіць матуля,
Крупеняй кормячы дачку.

Малых тры лыжкі засталася...
Тры лыжкі Зоі дасталася...
Няма чаго старэйшай даць,
Ім зноў за дротам бедаваць...

Марыі лыжкі той крупені
Нечаста сніліся, але
Світанні мірныя цямнелі,
І свет пачуццяў камянеў...

2020

Сляды вайны

*Нават у назвах вёсак і ўрочышчаў Гарадоцкага раёна войны пакінулі
сляды: Асеча, Танкі, Зенітка, Баталі, Акоп...*

У хвойніку, у дзіве ўзнёслым,
На мірным беразе ракі
Мы, як шукальнікі, па росцы
Збіраем з маці казлякі,
Мясціны шчодро напладзілі
Разлатых, бы капялюшы,
Мааленькіх – гузікі-маліны-
У мядова-ліпеньскай імжы.
І раптам – боль! Гэта іржавым
Я ўкроў параніла руку.
“Калючы дрот. Адкуль ён, мама,
У перасохлым раўчуку?”
На твары родным і збялелым
Разгубленасць, нібы віна,
А з вуснаў – горка і здранцвела:
“Яго пакінула вайна!”

...

З пары баёў пагода- месца –
Ігліцай вяне цішыня –
У землякоў маіх завецца
Тым, што пакінула вайна,
У нас пачуецца: “Зенітка,
Землянкі, Баталі, Равы...”
Ці напамін аб незабыўным,
Ці абярогі ад вайны?

2018

Салаўі

За ракой вясновай – пералівы,
Мілавання і малення час,
І дакуль пяюць – жывем шчасліва.
Божухна! Дзівуешся на нас?

А калі ад цуда апрытомнім,
Ажыве, усплыве суровы час,
Думаем: спявалі гэтак роўна,
Вы, салоўкі, немцам, можа, у нас?
Звонкія дарункі адзічэлым
Адчынялі наш чароўны свет?
Ці ўнушалі ад крыві здурэлым,
Што вяршыць смяротнае не след?
Верыцца: вы мір увасабілі!
Не чакаем здрадніцтва ад вас,
Родныя салоўкі не тварылі
Ім канцэртаў у страшэнны час!
Ворагу не несліся нясмела
Гімны пераліўныя жыцця -
Вы сцвярджалі ім: “У свеце белым
Добрага нястача пачуцця...”
І вымову жорсткую адчулі
Варвары ад геніяў вясны.

Спевы – не снарады і не кулі,
Ды яны ўсе – супраць вайны.

2019 г.

Маці і мір

Маці-матуля не ведала свята,
Нагатавана, прыбраная хата,
Выбіта прайнікам рыззе-лайно,
Белена печ і прамыта вакно...

Маці-матуля не ведала стомы,
Полю хапала любові і дому,
Родная жала і моўчкі касіла.
Скуль яна сіла, матуліна сіла?

Доля цярплівасцю той надзяліла,
Волю жанчына і мір бараніла,
Помніла ворага права караці,
Польмя помніла ў хаце...
Подзвігам мір бараніць для дзіцяці
Мусіць з вайною знаёмая маці.
2017 г.

Бесланскія весткі

Верасень. Верасень – Восень.
Гулкія вечары.
Воля азёрамі сосіць
Зорныя гушчары.
Верасень. Верасень – Жоўцень:
Золотам пагары.
Лета – гусіны боўцень –
Здзюбана на двары.
Верасень. Верасень – Жыццям
Вольнае хараство,
Зробім на новым жыце
Вершаў і зор пітво.

Гэта не верасень вёў тых,
Хто забіваць ішоў,
Гэта не верасень жоўты
Ім задурманіў кроў,
Гэта не верасень стрэліў,
Любых не ўзрываў,
І на вучнёўскім партфелі
Не гвалтаваў,
І за імгненне знікла
Зорнае хараство,
Знішчылі, каму звыкла
Куль і гармат пітво.
2004 г.

Восень. 2004 год

Сланечнік ля антонаўкі багатай,
Смакуе чмель яго зазыўны пах,
Ды яблыня нацэліла ў хату,
І здрыгануўся, і заенчыў дах.

Садовы стрэл бабулек не палохаў,
Гароды ўбіралі, як раней,
І верасень, і баразна засохла,
А воблакі сівыя ўсё ніжэй.

Не ведалі, што дзеецца ў Беслане,
Бо доўга не заходзілі дамоў,
Каторая зусім самотнай стане,
Другая і памоліцца без слоў.

Увечары перавязалі хусткі
І дранікі закрылі малаком, -
Заплакалі: з тэлеэкрана хрусткі
Бесланскі стрэл, бы за сваім вакном...
2004 г.

Балючы спеў

Сярод загубленых карнікамі жыхароў вёскі Улішацы была дзяўчынка Лёля “амаль кінягіня”, як паведамлілі турыстам касцы, што ўбіралі луг вакол помніка. У 1979 годзе гэта чулі вучні 6-га класа Стадолішчанскай школы.

Чарадзеіла зязюля ў лясным сяле.
Год за годам паляцелі – калінавы снег.
Ужо малую кінягіню пачалі дражніць,
І матуля дадала: “Кінягіня? – быць!”.

“Во яна! Бы на рашчэне, -
Убачылі людзі, -
З год – і будзе кінягіняй,
Прыгажуняй будзе!”.

І вяночкаў, і снапочкаў лецейка наўе,
Сінявокай сцяжыны выведае ўсе,
У блакітныя разлогі – рэхам гаманіць,
Дзе маліны-журавіны. Люба, любя жыць!

“Узрастае гаспадня, -
Прыкмячалі людзі, -
Добрай будзе кінягінняй,
Працавітай будзе!”.

Залатая касавіца мазалёў наб’е,
Бы ў вырай працашніцу верасень заве,
Пачынае-прадаўжае добраму вучыць,
І дзяўчына разважае: “Лётаць ці лячыць?”.

“Во разумніца, шчыруе! –
Прысудзілі людзі, -
Чыёй будзе кінягінняй,
Таму пашанцуе”.

Не зязюлі долі – войны скарачалі,
Замільгала ў газеце: “Вайна. Гітлер. Сталін”...
За сумётамі ў Фінскай, троечы праклятай,
Землякі. Памінкі ў вёсцы, а зусім не сваты.

Калі добрая дзяўчына,
Асурочуць людзі.
Не бываць ёй кінягінняй,
Вайна лютай будзе.

Разарвалі свет, дзялілі, заняпала поле,
Акружылі, зацуглялі ветразі раздолле,
У былой лагодзе - вёсцы ні кута, ні хаты,
Спаланілі лёсы, мары спапялілі каты.

Навякі ўсё трынаццаць
Светлавокай, людзі,
Малы помнік прыбірацца
У вяночак будзе.

І ваенная віхура жыцці папяліла,
І грызня палітыканаў выдзірала жылы...
Мы – героі, мы – ахвяры, гарматнае мяса
З-за якіх пачвараў-скнараў, да якога часу?

Схамянемся – не загінем,
Мы жывыя, людзі,
Калі памяць наша гучнай
І магутнай будзе.

*Кінягіня (мясцовае) – княгіня, маладая нявеста.
Гэтым словам, шуткуючы, часта звяртаюцца
да дзяўчынак.*

Раішчына (мясцовае) – роішчына (опара (рус.))

2003 г.

Урок міра

Спведзь настаўніцы СШ№2 г. Гарадка аб падзеі мая 1993 года.

Як сёння мне казаць ім пра бяду?
Да пахаванняў воінскіх вяду...

Закрочылі... І выдаў вучань жвавы:
“Не білі б немцаў, во ў нас было б:
Паболей “еўрыкаў” у нашай, у дзяржавы,
І мы жылі б “еўропей за Еўроп”...

Разумнік зачароўвае вачыма...
Во новенькі! Якое завучыў!
Мясцовыя вароны накрывалі
Ці юны “рабінзон” далёка жыў?

Мяне нібы зламалі абцугамі,
Ці давяду даходліва, прасцей:
“Каб немцы гаспадарылі, рабамі
Гнілі б мы ў незапрошаных “гасцей”.

Марудна вельмі выбіраю словы,
Пераканальным робячы адказ,
Ірвануў у бойку, гулкую размову,
Вясёлы мой, цікаўны сёмы клас.

Паведамлі: “Жалілася мама,
Што з вісельні вярочных крукоў
Усю зіму ля дому выканкама
Фашысты не здымалі мерцвякоў”.

Прадоўжылі: “Няўжо не казалі,
Мо сотнямі губілі жыхароў?
Дарослыя й малыя пагаралі,
Арыўская ім дазваляла кроў”...

“За дні вайны ў горада не стала
Драўляных і каменных пабудоў,
З гары і да гары вайна злізала
Набыткі небагатыя з двароў...”

Дабраліся яны і да “Еўропаў”:
“Завернем у музей, сябрук, як раз,
У кавалах бярозавых затупай,
У канцлагеры насіў іх дзед Тарас”.

Даводзілі: “А цётка Вера наша
У Германію ўгнанаю была,
Кармілася ў няволі бруднай кашай
І бульбаю з жывёльнага вядра...”

Да могілак – нібы на полі бою,
Накал размовы бурны не прастыў,
А вась ён – кут жалобы і спакою...
Аповед мой узрушана паплыў:

З Германіі бяды не запрашалі
На волю і вучобу веў настрой.
На плошчы абаронцаў пахавалі...
Рухавы мой, здагадлівы, пастой.

Прыслухаемся сэрцам, задуменна,
Маленствам абароненым сваім,
Нядрэнна б і згінаецца калена:
Ля капішча вялікага стаім.

Убачылі: во колькі палягло
За родны кут і за маленькі горад,
Іх небыццё – бы плата за святло
І замкавую велічнасць Узгор’я.

За лёсаў вашых дарагія “руслы”,
Каб вольнымі і смелымі цяклі,
Абараніць ад ліха беларусаў
Сябры, святыя волаты ішлі.

З вялізнага працоўнага Саюза...
Імёны прадаўжаеце чытаць? –
З Сібіры, Волгі, ад станкоў і шлюзаў
Дайшлі сабою нас уратаваць.

Змагаліся і землякі-героі,
Пакінулі калгасныя палі,
Яны былі прымушаны вайною
У цемру легчы за сяброў сваіх.

Чакалі іх, не дачакалі дома,
Журыліся ад раніц да начэй,
Яны ў бой ішлі свядома,
Мір бараць усім было пільней.

Чытаем і запомнім слова “Слава!”
І ведаеце: дзякуючы ім,
І вольнаю жыве у нас Дзяржава,
І ў сэрцы кантынента мы стаім.

У бессмяротнасць з вузкага акола
На важным Гарадоцкім рубяжы,
І не ўся забылася Еўропа,
Дзе мір і дабрабыт яе ляжыць.

Як мы, героі жыць жадалі!
Запэўню, і на тое воз падстаў.
Ды лёсы нам яны падаравалі,
Каб мір жаданы назаўжды настаў.

Маўчалі дзеці. Салавейкі, вечар
Вярнулі зноў у мірны горад нас...
Няўжо, дазволім жыцці пакамечыць
Такіх, як мой цікаўны любы клас?

1993 г.

Зорка

Пасля вайны у другой палове 40-ых і ў 50-я гады ў раёне не хапала каней, толькі з'явіліся некаторыя, якіх лічылі нямецкімі. Добрая кабылка нямецкай пароды з'явілася ў Першамайскім сельскім савеце. Белая пляма на рудай галаве дала ёй імя - Зорка.

Ласкавыя далёкія гады,
Не ўсе яны змываліся вадою,
І мімаволі вернемся туды,
Дзе час лічылі блізкаю вайною.

Успомніла нямецкага каня,
Як полымя, і клікалася Зоркай,
А інахадзь? Нібыта ўзняла –
І паляцелі з рудасці пагорка.

На ёй снапы вазілі і радзіх,
Удовам уздымаліся гароды,
А “стрыгункоў” ружовенькіх, жывых
Калгасы зберагалі “для заводу”.

Трывожны ўспамін не абміне:
Яна, красуня з белай метай,
Знайшла мяне малую, бо я ў сне
На бераг з воза з'ехала па лету.

У цемрадзі пакінута начной
Сярод мясціны незнаёмай недзе...
Яна ж давезла воз і грукнула дваром,
І маці прывяла па росным следзе.

Прыгожая, нястомная імчыць,
Агнём заве гарачым ля пагорка,
І мы – бягом, бо “могуць пракаціць”,
І, як ура, навокал: “Зорка! Зорка!”

Разумніца і мілата глядзіць,
Стварае свет дзіцячай асалоды,
Не грывне кола і не зарыпіць -
Малюнак летуцення і лагоды.

Другі ўспамін – ідзе другі памер,
Змяняю, пакамечаваю рытмы,
Успомніла, як “вымерыў” кар’ер
Мой бацька, паравозам збіты.

Зноў вывезла дамоў крывавы воз,
Магутная нямецкая кабыла,
І маці, невідучая ад слёз,
Яе і нас цукеркамі карміла.

Вясёлы свет забавы і гульні,
Вясковы свет, але ў дзіцячым ладзе,
Былі ў нас драўляныя “кані”,
Чырвоныя – з вярбіны кожны ладзіў.

Былі ў “табуночках” Маштакі,
Буланя, Гнядкі, Саколкі,
Але агульным жыў расклад такі:
У кожным – тры, а мо й чатыры, Зоркі.

Цікава: і гарэзы-хлапчукі,
І нават небязурніцы-дзяўчаткі
У крыніцы, у раку і ручайкі
Паіць “ганялі” цацачныя статкі.

А побач валакліся на валах,
Або сабою ўтваралі пары
Суседкі, уздымалі на грудках
Вайной напланаваныя папары.

У Пятро і Паскі, Тройцы ды Іллі,
У гадамі пазалочаным квадраце,
Дзе яркі колер гліністай раллі
І водар лугавіннай сенажаці,
З натугі ў Зоркі ірвалася супонь...
Нібы за землякоў сваіх двухногіх,
Яна кідала дабрыні агонь
У нашы сэрцы, на палі, дарогі.

Успомніла нямецкага каня,
Былое ўваскрэсла, панавала:
Насуперак фашыстам
У маленства тою Зоркай завітала
З Германіі разбітай – дабрыня.

2015 г.

Ноч мядзічкі

Пасля вызвалення раёна медсёстры, фельчары, акушэркі, якія ваявалі ў партызанскіх атрадах, ужо з сакавіка 1944 года пачалі працаваць у якасці медработнікаў, арганізаваўшы медпункты ў сялянскіх уцалелых дамах. Так Першамайскі медпункт існаваў у доме Ягоравых, Салдаценак (Паташня), потым у доме Пятровых (Верамеева), затым у доме Трафімавых (Паташня). За сценкаю ці за прасцінкаю жылі сем'і медыкаў (мядзичак – па-мясцоваму) і гаспадароў хаты...

Кліча ў ноч дарога –
Патрэбна дапамога.
Хворых і замнога...
Калі ў двор калёсы,
За касынку – косы,
Шынялек – сядзенне
На саломе-сене,
Хатулёк – сняданак,
Бо далёка ранак.
На калені – лекі...

Не чакай бяспекі,
Не пагоніш рыссю,
А ў бары – і рысі,
А калі - ваўчыца,
Пачынай хрысціцца.
З ручаёў – на горы,
Дачакайся, хворы.
А сваё дзіцятка
Беражэцца хаткай,
Незамкнёнай ноччу,
Раніцой заскочыць
З малаком суседка
І прачнецца дзетка...

У брыгадзіра к ночы
Залітыя вочы,
З п'яной лагоды
“Аджалеў” падводу,
А звычайна прэшся
Як зайчо, алешын
І лазін баішся...
Цішыня калыша –
Успамін варочае,
Як збірала вочы ...
З ледзяных пластоў,
І сівых кустоў
У далонь. На снезе -
Безыменны, мезіны...
Не забыць падлікаў...
Ад нагі- вялікі.
Ён сябе – гранатай,
Каб дашлі да хаты,
З той вайны другія...
А цябе тугія
Паланілі плёткі
Языкаў работкай,
Пра каханне хлусяць
І на Беларусі.
...
Вось патрэбны ганак.
Лейцы - да паркану.
Вар'яцее маці
У гаротнай хаце,

Ратавала лоем,
Травяным настоем
І лістом геранькі,
Ды гарачай банькай,
Перад фельчарыцай,
Пачала хрысціцца...
“Супакойся, маці,
Зможам ратаваці”.
Ноч – уколы, “банкі”,
А ўжо на світанку -
Янтарынкі поту...
Абняла дрымота
Не зваліцца б з воза.
Перазвон марозу.
Па лагам, гарушкам,
Нібы хто натрушчыў,
Накрапіў калінай,
Сокам журавінным,
Каб сюды вярнуцца,
Абіраць – няшчуцца.
Зайдроснікі- вочы...
А былое крочыць
Па лясной дарозе,
І бядой азмрочыць
Цішыня, і вяртае год,
Калі везла раненых
Да Суражскіх варот.
Не папкінуў Божа.
Ці ён дапаможа?
Каго ратавала,
Не назваў мядзічкай” –
А ўсё – сястрычкай...
Скрозь жыцця турботы –
Лекараў работа.
На прыёме цесна,
Вайна з’ела месца.
У пячурку дровы,
Цеплыня - здароўе.
За каптур дачушцы -
Малака, бы птушка,
Там яна на печы
Весялей шчабеча...

2019

Дровы

Паводле ўспамінаў жыхаркі вёскі Вархі Малахавай І.М. у 1999 годзе.

Калі б з дровамі хто пасабіў
Ды ваўчыца-Юга не блукала,
З двору б я нікуды, нікуды,
З хаты добрай сваёй не ўцякала.

Карані мае вось, карані,
У мясціне-раі шчыравала,
Зараз мне – ні закоч, ні ўздыхні,
Во і паліва, бачыце, мала.

А з вадою не маем праблем,
І ўзнор, а чысцютка студня,
Смачна п'ю і намытае ем,
Капыты не адкіну ў брудзе.

Малачыны якія, хлябы,
Колькі хочам – прыедзе машына,
Летні лес – санаторый жывы,
Як у Бога тады за плячыма.

А вось дровы... Няма – і бяда,
І дрывотня спушцела, і сенцы...
Прычакала гаротнага дня...
Добра помню бяздроўе пры немцах.

Без дазволу ў лес – ні нагой,
Замест паліва – кулю ці фігу...

Ай жа ліха! Якое ўсплыло!
Не, не, родныя! Абы толькі ціха,
Толькі б зноў не з'ядала вайна,
Не ламілася ў родныя дзверы...
Ды і дзетная ж я, не адна,
У сынову заеду кватэру...

2000 г.

Пасля Вялікай Айчыннай

Я мірна ў роднай старонцы жыла,
А слова кароткае немец
Нібыта і сёння страляе здаля
І болем, і бояззю сее.
У бойках была, пад наваоай жыла
Матуля ў часіну юнацтва,
Мо й не жадаючы, перадала,
Што немцаў патрэбна баяцца.
Нямецкія раны мой бацька насіў,
І стогны ў мірнай сяліліся хаце,
І як бы і хто дараваць не прасіў,
Я буду варожа на іх пазіраці.
Нагаласілася цётка мая –
Сыночка ў вайну не змагла ўратаваці,
І шрамы свае не згубтла Зямля...
Што немцам змагу пажадаць я?
З розумам, кажаце, нешта з маім,
Пра Гітлера ўспомніце ўсячыну...
А што нам рабіць з гэтым болем сваім,
З пакутаю, дадзенай ў спадчыну?
2019

Усячына (мясцовае) – усё-усё, рознае, шмат чаго

Подых багуновы

Аб сустрэчы за Восматам партызан Г. Д. Лаўрэнцавай і Л. А. Гарбаценкі. 1983 г.

Вазіла я былую партызанку
У месца ляское, дзе ў вайну яна
Дзяўчынаю ў сваім прыгожым ранку
Жыццё трывожна небяспечнае вяла.

Яна сіваю рэпаную дзічку
Рукою-працаўніцай абвіла,
Адразу партызанскую сястрычку –
Крыніцу патаемную знайшла.

Далей было, што можа не стварыцца
За цэлы век. Але вось - не падман –
Прыйшоў на тое месца, дзе крыніца,
Былы яе таварыш-партызан.

Як доўга ён не пазнаваў сяброўку!
Глядзеў, нібы ганяў гадоў туман,
Пазнаўшы, плакаў, ці было няёмка,
Ці прыгадаў часы баёў і ран.

Яны сядзелі, доўга гаманілі,
Дзе буякі блакітам каля ног,
Маленькія, слабенькія, старыя...
З балоціны напоўз бялюткі мох.

Я натавала, ледзьве паспявала,
Запісвала ўспаміны аб вайне
І як двуногай зграяй лютавала
Ваўчыная фашысцкая арцель.

Не зачыніла подых багуновы
Зялёная раскошная сцяна,
І на мяне час іх баёў суровых
Нібы з тэлеэкрана наплываў.

Мне чуліся каманд вайсковых словы,
Хістаўся пада мною дол,
Ку - рганы пад ляском хваёвым
Зямлянкамі зрабіліся наўкол.

За дрэва за малое не ўчаплюся,
Ад багуну мой розум камянеў,
Дрыгвою да мяне імкнуўся
Атрад параненых, знясіленых людзей.

Прывіды калыхаюцца над багнай,
Вакол – грамы: узрывы ці пальба,
Барвовы мох, на вільгаць прагны...
Усё плыве, і цемра ў вачах.

Старыя пасмяюцца партызаны,
Пад рукі з лесу ведучы мяне:

“Самлела -ледзь надыхалася багны...

А як было б з табою на вайне?

2021

*Р.С. Квітнеючы, багун атручвае наветра, выклікае боль- лічаць
вяскоўцы.*

Обида

Памяти Ткачева Н.Д., партизана, фронтовика, орденоносца.

Он трижды убежал из плена...

Пускал вагоны под откос –

Учитель мой. Кому претило,

Что он бесхитростен и прост?

Он не юлил, не мыл чью руку,

Жил честно, мирно жил,

Нас в «партизанскую науку»-

В леса военные водил.

Мы ночевали там в палатках,

Дышали дымом у костров,

Стреляли на холме покато,

На земляничных ранах рвов.

О нём ни слова, ни полслова,

Окутан тайною молчок.

Он не виновен в том, что плена

И горя избежать не мог.

Виновен разве, что сидели

В кремлях неправые вожди,

Не о стране родной радели,

А свои идеи берегли.

А дома, не пойму такого:

В семействе трое партизан,

А дед мой - староста-подпольщик

На растерзанье слухам сдан.

А кто в войну своей деревней
Лесную братию кормил,
Соседей в лес от смерти верной
Под вражьим носом уводил?

О нём сказать не смели книжки,
Не сохранили имя списки,
Как будто предавал мой дед,
А не боролся в море бед.

А сколько глаз я помню тихих
И незлобливых, и святых,
И ноги у кого на липе,
И крылья рукавов пустых...
Лишь добираясь до медпункта,
От боли разжимали рот,
Никто их доли не распутал,
Никто не видел их забот...

2019

Гадюка

На кого таилася гадюка
У черники молодых кустов?
Море яду, и ни ни, ни звука,
И ударить зуб кривой готов.

Ты чего ждала, не нападала?
Тело уложила в завиток,
Молча и коварно поджидала,
Исподволь готовила бросок.

Чуден лес – чарующие храмы,
Каждый удивлён и размягчён,
Но залёг во мху виновник драмы,
И никто не будет им прощён.

В драгоценнейшем блуждаем свете,
Изучая вдоль и поперёк,
И ликуем дети и недети,
Не подозревая про бросок.

Плаваем с поляны на поляну,
А уже висим на волоске...
Радуюсь всему, на что ни гляну,
И не помышляя о тоске.

Мир родимый обернулся змеем,
Ударяем в сладостный момент,
И в Париже или под Бомбеем
Невелик защит ассортимент.

Никакие не годны защиты,
Всё живое – 3 секунду в прах...
Жалостью и злобою убито,
Бомбами у дикости в руках,
За враждой таилася гадюка.
Море яда плещет между стран,
Ненависть – не для людей наука,
Гибельный за нею ураган.

2015

Граната

Памяти Николая Шабанова, комиссара, начальника штаба 1-го отряда 4-ой партизанской бригады. Спасая других партизан и семью связной Грибовской, он, раненый, зимой 1943 года подорвал себя и врагов гранатами у д. Авдеенки. Сейчас похоронен в д. Холомерье. Место его первоначального захоронения обнаружили в 1985 году краеведы Обольской школы по заданию полоцкой газеты «Химик».

Часть I

Вдовье

Развеяна дерзкая стая
Зарёю на ярком снегу,
И голос беды замирает
На дальнем глухом берегу.

Угроза лесов, умолкая,
Сокрытая сила земли
Слабеет, следы покидая
На теле ведуньи-зимы.

Румянец зари обещает
Гипнозами, новой луной -
Деревню в ночи ожидает
Немыслимой ярости вой.

Почуяли леса творенья:
«Одна, одинока она...»
Зловещие мечутся тени
На лунном экране окна.

И в доме родном пребываю
В таком первобытном плену...
Осадой меня донимая,
Какую вменили вину?

Сии не доходят терзанья
К домам, где здорова семья,
Где всюду следы созиданья
И в силе отцы и мужья.

Опору-надежду лелею,
Что стая покинет края,
Или в одиночку сумею,
До вешнего выдюжу дня.

Где рухнуло всё в одночасье
И воем озвучены сны,
Оно возновляется счастье,
Когда не отчаемся мы.

И звуки подлунного воя,
Слетая на сёла, поля,
Отваги любви не закроют,
Коль воля не дрогнет твоя.

Набеги лесов одолею,
Своё заслоня жильё.
Всё мы, белоруски, умеем,
Я мужнее правлю ружьё.

Земля расколдует весною
Звериную тягу к жилью,
Я снова царицей лесною
Поляны, боры обойду.

По волчьим растаявшим тропам,
По сказкам, лугам-берегам,
Любви нерастраченный опыт
Приволью родному отдам.

А вдовы войны? Разумея,
Насколько бесчестна война,
По новой лелеять и сеять
Умели без хлеба и сна.

С безбожной квиталися драмой,
В подолы насыпав зерно.
Роднёю, соседками, мамой
Творилось по новой житьё
Грешно называться печалью
Тому, чего не утолить.
За мирною высится далью,
Что им довелось пережить.

Но вдовье своё одеянье,
И голых дворов немоту
Смывали трудом и стараньем,
Малюя под горем черту.

Часть II

Любовь-партизанка

Крутою неласковой бровью
Или командирским умом,
Тебя поманил Он любовью,
Завидным прослав женихом?

И брачную вашей постелью
На ложе суровой поры
Легли ледяные метели,
Курились не свечи – костры.

Двоих осенило любовью –
Неволя войны тяжелей,
Сегодня без раны и крови,
А далее с этим сложней.

Опасны шаги и заданья
Под носом, у лёжки врага,
Дела – не слова и метанья –
Победа одна дорога.

Её красота, попадая
Под вражьего глаза прицел,
Себя защищала, сникая
За сотнями праведных дел,

Её госпитальные бденья
Сменялись на роли связной,
В миру не страшит погребенье,
В безвестность обидно одной...

Как он рисковал, не скрывая,
Друзей на бои уводя!
Сегодня, об этом читая,
Не восторгаться нельзя.

На слёзные дни ожиданья,
На жуткие вещие сны
Молитвы ложились, гаданья
Во здравье героев лесных:

«Живым воротись, заклинаю»,
И рядом метелью лечу,
Удачи желаю, и знаю
Земному не всё по плечу.

Атаки, слепое круженье,
Неравный, отчаянный бой...
Даровано вам возвращенье?
Дарована встреча, родной?

Заполню молитвой немою
Войны окаянные дни,
Заветной болотной тропой
И бори, и пули мини.

Укройся за славною елью –
Надёжна лесная родня –
И за негромкою трелью,
За дымкою вьюжного дня.

В дозоре, засаде, сраженье
Героем не лезь на рожон...»
Всё это витало в моленье
Мадонн партизанских и жён.

Язычества, сотен религий
Жила-оживала глава,
Перуну, Иисусу, Марии
Они обращали слова:

«Пробейся по минному полю,
Минуя заслоны в пути.
Я зевы весталкам закрою,
Живым, невредимым приди!»

Молились и белому морю
Родных белорусских долин-
Войны приговоры оспорив,
Просили живых из пучин.

Молитва ль спасала в заплыве
В снега, где гуляли враги?
Твои ль Ариаднины нити,
Опаской тушуя шаги?

Не мог уберечься и зная,
Она ощутила живым
Дитя. Им любовь молодая
Бессмертье дарила двоим.

Часть III

Последний бой

Завыло зверьё, окружая,
Сжимая охоты кольцо,
Леса пробивая до края,
Носителем горя, свинцом.

Орал за пленённой деревней
Смертельную речь автомат,
Разведка у гибели верной,
Спасению шанс маловат.

Войну запах тела живого
Ведёт на кровавленный след,
Уже невозможно другого,
Иных невозможно побед.

Он связкой последней гранатной
Врагов разметал и себя,
Уйдя невозвратной утратой,
Своё не увидев дитя.

Лимонок жестокою волей
И силой великой любви
Родимому доброму полю
Вручил Он останки свои.

Последние силы Героя
На снег – кумачовой волной,
А над полонённой страной –
Надеждою – ваша любовь...

Когда на жестоком рассвете
След боя узнала Она,
Какие тут выживут дети? –
Глотала, не глядя, война.

В изрытом снегу собирая
По пальчику милую кисть,
Рыдала, навечно теряя,
Ещё не рождённую жизнь.

Молчали снега, багровея
И кровь принуждая застыть...
Могучие души сумели
И смертью Победу добыть.

Эпилог

Ей жить безутешной вдовою...
Но веру любви храня,
Не быть побеждённой войною
Смогла до последнего дня.

Таким – не грозою ненастье,
И, новую строя семью,
Её обеспечила счастье,
Судьбу покорила свою.

А мы? Неужели позволим
Когтистым и жадным следам
Кружить по залитым зарёю
Заветным родным уголкам?

Смелея, дичая, наглея,
На наши взирают дома,
А мы, бесполезно мудрея,
Не бьём по матёрым зубам.
Жирует довольная стая
На теле соседней страны,
Смыкаем мы разве теснее
Защитников мира ряды?

Балладу-гранату бросаю
У вражеской подлой ноги,
Раскинет она, разметает
Осколки косые свои,
И в зевы, покорные вою,
Вонзится свирепой строкой
За мирное наше, святое
Далёкий тот, праведный бой.

«Ой! – скажете вы, - закружила
Её романтизма волна».
Но тема того заслужила:
В террор обрядилась война,
Забытой романтики сила
Позволит родные дома
Увидеть Украиной и Сирией,
Готовить полки и тома.

2018

Мост

*Жители деревень Яново и Шикени рассказывали, как на «кладке»
через реку Берновку немец-велосипедист не тронул подростка Витю
Лавренцова, а протянул руку – поздоровался. Жительница Гринек
Мамонова Елизавета помнила и назвала в 2000 году имя немца, который
подкармливал детей - Август.*

У маленькой речки – горой берега,
Ленивая в ней, но живая вода.
Когда переправу сглотнула война,
Легла над теченьем досочка одна.

Лесная деревня намерена жить,
Настроена милая сеять- косить,
И, чтобы ни грамма, ни капли врагу,
Овраги труды и пуды берегут.

Привыкли коровы к болотной траве,
Землянка лесная - заменой избе,
Громит полицейская свора дома,
Деревня себя охраняет сама.

И ночью, и днём – в карауле село,
Дорога – и войнам, и миру окно,
Нельзя, чтоб в него пролезало вражьё
Да жадное рыло вбивало своё.

Накормит деревня тайком от врагов,
Родные лесные отряды сынов,
Подростки, мужая для роли связных,
Приходят, как добрые ангелы их.

На воды туманов намыла заря
У речки сиреневый парус застрял.
Рванулись из разных дорог на мосток
Немецкий солдат и связной-паренёк.

Связному идти в партизанский отряд,
Не раз оглянулся в деревню, на сад,
Где силилась вслед ему строгая мать
Молитвой дорогу его осенять.

С другой стороны – иноземный солдат
Терзает педали ногой невпопад,
Пугает седого тумана гряда.
Разведку ведёт или послан куда?

Врагами вела к переправе война
В единое время и, видно, она
В единое место забросила их,
На слабый мосточек различных таких.

Возможно и смелый немецкий солдат
Мальчонке уступит, отъедет назад.
Пожмёт ему руку и выдавит: «Друг».

И, вроде, никто не мог видеть вокруг,
Но славно легенда о встрече жила,
И правдою жизни связного была.
Подобные факты архив не хранит,
Но память народа! Куда там гранит!

Сегодня деревни за речкою нет,
Но время не съело нормальный сюжет,
Его сохранили, размножат поэты,
Живою и мирною чая планету.

Когда мы над бездной один на один,
И друга найдём, и все пять подадим.
Никто не мешает единой семьёй
Пожарища третьей гасить мировой
В Пальмире, Алеппо, Париже, Каире –
Во всём загоревшимся рознею Мире.

2016

Окруженцы

В партизанское движение влились из окруженцев сотни бойцов, среди них Ткачёв Николай Дмитриевич - директор Варховской и Первомайской школ, партизан, награждён орденами и медалями за фронтовые заслуги и многие боевые операции. Зуев Яков Трофимович - директор Бескатовской школы, партизанский комиссар. Шабанов Николай Алексеевич - начальник штаба, комиссар 1-го отряда 4-й Белорусской партизанской бригады, директор Доминиковской школы в Невельском районе

Пленён не раз, но вылетал из плена,
Приземистый, не бросок на лицо,
Ногами брёл, болота - по колено,
Увечился о вражее кольцо.

И дом пленён, и окружён неслабо,
Политый ядом из чужой земли,
Доставленным с долин угрюмой Лабы,
Чтоб миллионы жизней унести.

Родимый лес, мой лес, моя свобода,
Несякнувший родник святой любви,
Десница мести моего народа.
Желаешь – полем битвы назови.
Седых болот незримы забережья,
Как и тому назад веков века,
Таили Родины упрямую надежду,
Шатром еловым глядя облака.

Лесные работяги-деревеньки.
В лихие дни они настороже,
Но приняли усталых окруженцев,
С родимых сосступивших рубежей.

Вас матери чужие признавали,
Чужие семьи ободряли вмиг,
И, долгим отступлением упрекая
Согрели, и корили, как родных.

И вы их ожиданья оправдали,
Собрав лесные тысячи борцов,
Герои-командиры вырастали
Из бывших бедолажек-беглецов.

Дарил вам лес великую надежду,
Победы ликом золотым маня,
И меч, и щит как в старину, как прежде,
И колыбель свободы, и броня...

Вы стелами, бывшие окруженцы,
Взошли на вольные полян холмы.
И коль нужда случится в ополченцах,
О ваших судьбах гордо вспомним мы.

Оккупанты

Славные мальчики,
Тёмные, русые,
Нежно любили своих матерей.
Вы учиняли над белорусками то,
Что пугало и диких зверей.

Бывшие мальчики
Гнали в болотины
Маму и бабушку, девичью честь,
Ран моей Родины,
Слёз моей Родины
И за столетие не перечеть.

Вы уже зрелыми
Жгли нас селеньями,
Слали на родину русских рабынь...
Не оправдались вы Гитлера временем...
Адскому вашему племени: Сгинь!
Сгинь возле Сирии,
В синей Атлантике,
Вязкой пустынной пыли...

Славные мальчики,
Тёмные, русые,
Любите нежно своих матерей,
Делайте целью своей: Не убей!
Верьте себе – не каналье-политике,
Тихим молениям мамы своей!

2018

Второй подвиг

Я выросла «за ширмой деревенского медпункта» и помню инвалидов войны своей малой родины: Алексеева Кузьму, Солдатенко Сергея, Иванова Василия, Петрова Николая, Болванова Ивана, Кошняка Виктора, Янченко Ивана, Павленко Фёдора, Михайлова Ивана, Соснера Петра, Косова Василия.

Он белокур и синеглаз,
Был до войны улыбчив,
Но васильковый взор погас,
Походка стала зыбкой,
Шагал на липовой ноге,
Сам выстрогал, приладил -
Ременные тесёмки две,
Застёжка грубо сзади,
И падал проклятый протез
На половицы громко,
Когда зимой на печку лез
Или качал ребёнка,
Но не подвёл его протез,
Когда косил и строил.
В войну Героя званье нёс,
И в мире жил Героем,
Нередко мазей для ноги
Просил у фельдшерицы,
И славным василькам своим
Тут позволял слезиться,
И снова шёл, возил, косил,
Войну преодолая...
И как ему хватало сил
Один он только знает.

2019

Боль

Они пришли домой Богатырями,
Героями, любимцами Европы,
Пять лет они победу из окопов
Сердцами вырывали и зубами,
Приказ «Вперёд!» - всевышним почитали,
А дома настигало их «Ни-зя!»

Партийная насмешка и гроза.
Ломался воин прогорелой спичкой,
К неволе стояла непривычный.
И тайны никому я не раскрою:
Газетный не приемля тарарам,
Клонились наши славные герои
В бесславный бесправный хлам
С наркомовскими горькими «сто грамм»,
А жертвами, даже врагами – дети,
Печали – не обычный страх –
И было, их манило под повети
С верёвками в израненных руках.

2010

Легенда о гадалках

В оккупацию ходили женщины гадать, жив ли родной человек, скоро ли вернётся? А в Городке живы воспоминания, что жили здесь гадалки, которые, рискуя жизнью, распространяли сведения из радиосводок. Одни говорят, что проживали эти смелые люди в районе улицы Мира, другие, что где-то в районе современной улицы Кособьяна.

Не гадать на короля
За серёжки и десятки,
Шли на воинов гадать
Полонённые солдатки,
Невозможно болей ждать,
Жить униженной рабыней,
Стынет в озере вода,
А душа от горя стынет.
И вопросы донесли
До гадалелей лукавых:
«Выжили среди войны
И Серёженьки, и Славы?
Как сражается за нас
Окружённая держава?
Будет новая весна
Пораженьем или славой?»

У гадалки Городка
Лёг ответ на карты точный,
Ночью тёмной прозвучал

На волне радиоточки:
«Удержали Сталинград,
Подавились фашисты,
И на родину спешат
Гармонисты, трактористы».
И надежда расцвела
От гадания и справки...
Побеждали времена
Те военные гадалки.
Вы желали имена?
Их война кровями смыла.
Но родная сторона
Тех гаданий не забыла.
Сберегаются в молве
Те геройские гаданья
И забота о стране,
Как легенды и преданья...

Героиням середины 20 –го века

Предполагается, что на территории Европы жили в давние века племена Воительниц-Амазонок. А наши землячки: Якушенко Агафья, Лавренцова Галина, Каратаева Полина, Трифонова Валентина, Гончарова Екатерина и сотни других женщин, возвратясь с фронта, восстанавливали Родину.

Воинственное племя Амазонок
Для выстрела себе срезало грудь,
Смела стрела, и клич победы звонок,
Узнал такое – умудрись забудь
О племени воительниц любимых,
О времени, когда стреляла мать,
Чтобы в себе и за собой хранимых
От гибели и плена сберегать.

Мы видели защиту Амазонок,
Рожать им доводилось и стрелять,
Полками одиноких и бесконных
Поля послевоенные взнимать.
Заматывая головы пелёнкой,
Срезая напрочь локонов волну,
Ходили в чёрном наши Амазонки,

Узнавшие, изгнавшие войну.

Они мужей примеривали статус,
Из войн не уцелевших и «ста грамм»,
Своим неизбалованным ребятам
В одном лице являли пап и мам,
И женскую заботливую нежность
Дарили обескровленным полям,
Страну родную возрождая прежней,
Не уступали братьям и мужьям.

Взращенная одной из амазонок,
Подобного не прочу дочерям,
Смела стрела и клич победы звонок,
Но что важнее роли добрых мам
И доли обожаемых, безвинных,
Кого зовём «неколебимый тыл»,
Чтоб вечно невоительниц любимых
Рождённый сильным воином хранил.

Не доведётся мирными рождённым
Запирать и локоны, и грудь,
И, Дорогой, никем не побеждённый,
Мужчиной наречённый не забудь:
Мы, женственные, стрелами Амура
Готовы осенять любому путь,
Кто войнам с capitoлиев и лувров,
С рейхстагов... - не позволит дуть.

2017

Союз

Ровесники, нам выпало оплакать
Судьбу погибшего Союза,
Стал правящим дельцам обузой,
И пьяно рубанули мякоть
Семей, любовий и соседей,
Дорожных и небесных связок,
Из логова зубров-медведей
Нам в сердце выпалили сразу.
И мы дарёную свободу
Как обделённость понимаем,

Свою былую всенародность
Великим благом величаем.
Любимой Синеокой нашей
Упасть под Гитлеровым градом
Не дал Союз, за нас восставший
Друзей воинственным отрядом.
На зелени родимых весей
Легли казахи и грузины...
Слезой белорусской песни
И добрым словом - им помини,
И выстоявшей в розни новой,
Живой и гордой Беларусью –
Им памятник!

И снова Слово,
Налитое седую грустью.

2018

Снегопад глазами бывшей партизанки

По воспоминаниям уроженки Меженского сельсовета, партизанки Ткачёвой Надежды Ивановны снегопад обычно «возвращал» её в партизанский суровый лесной быт. В опасных Щелбовских лесах её семье удалось выжить и сражаться.

Замело. Всё бело
На дороге и в сквере.
Но чернеют стволы
И мальчишечьи куртки-косухи...

Отворилось оконце – не двери, не слухи –
К партизанскому быту войны и разрухи
Первым снегом зимы воротились слеза и потери...

Ни порога, ни дома
В зимовейном лесу,
И закрыты пути,
И снегами, и вражьёю злобой закрыты,
Но на смену герою вставал неубитый.
Молодому на верную гибель идти,
Образ леса военного вечно нести.

Молодым-молодым
Было горько у дыма.
Туго ватники снегом облиты,
Белотканьем маминым плотно обшиты.
Вместо дома – землянка, и ель, и ракита,
Знобко, зябко, опасно, несытно...
И ряды молодым убиенный покинул...

Замело. Всё бело
На дороге и в сквере.
Но чернеют стволы
И мальчишечьи куртки-косухи...
Зимовей, метели, видения – духи –
Декорации дикой военной зимы.
Снегопадами в горе войны окунаемся мы.
2018

Черёд бессмертия

На наших полях легли в освободительных боях и романтики-юноши, и седые отцы семейств. Среди них – талантливый художник, лейтенант Ростислав Петрович Хомяков – брат журналистки из Подмосковья - Гузь Ники Петровны, похороненный на братском кладбище в деревне Новый Болецк. Рядовой Георгий Сергеевич Эфрон – сын поэтессы Марины Цветаевой, похоронен под Браславом между деревнями Друйка и Струневщина. В годы рахрухи и голода после революции и гражданской войны умерла её дочь Ирина, погиб во время репрессий её муж Сергей Эфрон...Поэтесса всегда ожидала, что её «стихам настанет свой черёд» в мире «богатых и бедных», «золотых и полушек медных».

Её стихам – «бессмертия черёд»,
Богатые живут ими и бедные,
И золотые, и полушки медные,
На песню и на знамя, и – вперёд.

Гражданская убила её дочь,
Во дни другой сама – вслед за Ириной,
Не ведая, что предстояло сыну,
Во дни войны не в силах кто помочь...

А он у нас под Браславом затих,
Израненным излив святое «Мама!».
Он – главный самый, сложный и упрямый,
Живою Кровью Сотворённый Стих.

Не заслонился гибелью черёд,
В краю просторном, ласково-озёрном
Мы чтим его, как почитает зёрна
И мужество мой праведный народ.

И никогда не будет он забыт!
Черёд Героев вечен, нескончаем,
В день Памяти слезой печали,
Родной слезою будет он омыт.

Во дни грозы он поведёт вперёд
Тем молодым и гордым генералом,
О чьей судьбе Цветаева писала –
И горек, и возвышен чей полёт.

Делам и подвигам -
Бессмертия черёд,
Коль ты спасал и славил
Свой народ.

2017

Поминальная суббота

Памяти ушедших поколений земляков.

Осень. Поминальная суббота.
Сварена медовая кутья,
Свечи вызолачивают фото,
Предки поминаются, родня.

Сеятели, воины и жнеи,
Вечные страдальцы и борцы
Жили чем могли и как умели,
Вынесли терновые венцы.

Вот один – усталую деревню
Выручил страданием двойным,
А другой – иконы веры древней
В годы окаянные громил,

Рано за упавшею осиною
Рухнул, не усталым от житья,
Вашею непрошенной повинной
Горечь послащенная моя.

Праведницы – матери, прабабки
Семьи в лихолетие спасли,
Голод, неподъёмные охапки –
Женщинам подарки от войны...

Кросны и задымленные блики,
Постные, с половиною блины...
Милые мои, святые лики,
Вечные заступницы мои...

Длится поминальная суббота.
Молча подбирается зима.
Каждой ранней седины любой забота
Исповедью праведным полна.

2008 г.

Скатерть из Германии

В конце пятидесятых прекрасная немецкая скатерть бытовала в одной из семей в Веремеевке, рукодельницы из Поташни и Веремеева, сняв узор, вышили себе подобные скатерти. Немецкие вещи в послевоенные годы в районе называли «контрибуцией».

Белую скатерть, германский узор –
Розы на ленте седой паутины –
Из «контрибуции» дали на двор,
Дом потерявший, оплакавший сына,
Белое диво свернули узлом.
Место ль ему в обитаемой клетке?
Всё ожидали: возновится дом...
Время другие сюжеты наметит.
Диво сотлело и шло бахромой,

Долги пути из разрухи домой.
Но рукодельем германский узор
Был занесён на возновленный двор.
Вышили вдовы печаль на холстинах –
Ленты седой паутины и розы...
Горькая память, горячие слёзы.

2004 г.

Любовь на моей стороне

Так мы в Городке переживали войны, идущие на Кавказе.

Давно и во сне, да и наяву
Я в огненном рву, на войне,
И целят в меня, по кровям плыву...
Но я ни на чьей стороне.

Невинных взорвут, любимых убьют,
Бессильны Фазу, Шаганэ,
В дома под берёзой весёлой войдут...
А я – ни на чьей стороне.

Погибну на этой далёкой войне,
На дикой железной волне,
Не быть и не плыть ни зиме, ни весне,
Раз я ни на чьей стороне?

Ведёт не Коран на безбожный обман,
Пожары в восточном окне,
Но мне амулет по рождению дан –
Любовь – на моей стороне!

2004 г.

Трагедия современного туризма

Летим из Парижа в Каир,
И зреет «Египет!» во мне,
Спокоен и сладостен мир,
Дитя улыбнулось во сне.

Надежды полёта струят
Легенд драгоценные сны,
Растёт дорогое дитя,
Мне грёзы на руки склонив.

Средьземье под нами хранит
Веков перечтённые дни,
Желанной сказкою – Нил...
Но нам неостанет брони
И прочного звона монет,
И всех миллиардов ракет,
Сокровищ Египта. А Нил...
За гибелью нас поманил?..

2019

Тону

Девчонкой в Ладоге тонула,
Несла лазурная волна,
На мелководье глотанула
Меня воронкою волна.

В знакомой реченьке тонула,
Мосты рассеяла война,
Родных в «сто граммы» окунула,
Годами мы не знали сна.

Под сединой тону в течение
Смертельно-огненной волны,
В краю родимом – в окруженье
Страданий, ужасов войны.

Донецк. Алеппо и Пальмира,
И тысячам – ни сна, ни дня,
Земля, удобная для мира,
Дымится волдырями вся.

...
Девчонкой в Ладоге тонула,
Под сединой тону в волне,
Что Землю гарью затянула,
И мало крикнуть: «Нет войне!» ...

2016 г.

В 1960 году в посёлке Озёрный (Морозовка) Всеволожского района Ленинградской области я проводила лето и действительно едва не утонула, не зная, что дно Ладожского озера – сплошные воронки от бомбёжки немцами блокадной «дороги жизни». А на родной речке Вертея сгоревшие в войну мосты каждую весну и осень «преграждали» в Первомайскую школу детям из Вокшева, Борисенок, Морозова, Ложаней, Поташни, Казармы 523 км, Веремеева, Тросницы.

Эти мосты смогли «возродить» только в начале шестидесятых 20 столетия.

Идём по войне

Путь от улицы Зелёной до Взгорья (Городок): от дома вдовы Матросовой, у памятника солдату-конюху, по Луговой возле места, где стоял дом расстрелянных фашистами Кожевниковых, мимо гетто и немецкой тюрьмы - к мемориалу.

По войне, по войне, до скончания дней,
Материнской стезёю, отцовой,
На оконном стекле, на весенней тропе
Отраженье метели свинцовой.

На зелёной горе дом устало мертвел,
И не раненый – вздохи и стоны,
Средь обыденных дел свет лампы горел,
Негасимый горел на Зелёной.

Не поётся сосне, и слезе – не росе
Выпадать на последствия боя,
Обелиском укрыт безобидный старик,
Не доведший коней к водопою.

И весна не красна, омывает она,
Моет двор убиенного Залмана,
И рука ни одна не зовёт из окна,
Пали жертвами дикой расправы.

По расстрелам, войной, подойду с Луговой
До строений печального – гетто,
А война неотвязно за мною, за мной,
Будь страдальцей, а не поэтом.

И до Чайной горы горем давней поры
Побреду, добреду, зашатаюсь.
Полонянкой войны на слезе и беде...
Чьей виной невинная маюсь?

Стрелы – лики войны, долетают огни,
Убивают они, настигая
На знакомой тропе и на звонкой воде...
Или мы до неё долетаем?

По войне, по войне, до конца наших дней
Материнской стезёю, отцовой...
Нам для мирной тропы и для мирной судьбы
Каждый миг у беды отвоёван.

2005

Памятник «катюшам»
или школьная экскурсия в Смоленск.

Между Витебском и Смоленском
Лес дымил голубым и белым,
Между Витебском и Смоленском
Поле озимью пролетело.

Между Витебском и Смоленском,
Горы времени разметая,
За игольчатым перелеском
След далёкой войны встречаем.

Прячьте уши, живые души.
Нас берут на прицел «катюши».
Ждёт атака на поле брани?
Но война уже не достанет!

Между Витебском и Смоленском
Зовы вольной и смелой птицы...
За весенним дорожным плеском
Нам дано с войны воротиться!

2003 г.

Послевоенное - незабвенное

За ширмой деревенского медпункта –
Колыска и семейная кровать,
Со звуков боли оживало утро,
И с ними доводилось засыпать.

От вил и топоров рыдали раны,
Ожоги, ядовыстрелы змеи,
Со стонами сдирали ветераны
Протезы да вериги-костыли,

Вонзалась им в бедро или колено
Ременная коричневая снасть
Остроганного наскоро полена,
Молили горько: «Миленькая! Мазь!»

На грубой и бесчувственной колоде,
Дубовой или липовой ноге
Снопы возили с поля на подводе
И мяли грязный предвесенний снег.

Грузили брёвна, убивали мины,
Несли из банек розовых детей,
Военной болью множились седины
Среди послевоенных мирных дней.

Финал уже... А я перечисляю
Контуженных, безруких, без ноги,
И слышу через годы, засыпая,
И стоны, и моления: «Помоги!»
Спасителя ищу. В подлунном мире
Явился б чародей или злодей,
Милитаристам чтоб в прямом эфире
Настроил крик израненных людей,
Истерзанных войною и разрухой,
Чтоб души злобные терзались бы везде,
И днём и ночью их владела духом
Громада-боль – нет горшей на Земле.

2018

Аэродром Зелёновка

Несколько аэродромов существовало в Городокском районе в годы Великой Отечественной. Среди них - Веремеевка, Кузьмино, Зелёновка – теперь это поля, луга и даже улицы. На зелёном лугу, бывшем аэродроме Зелёновка, мы были с учениками Стадолиценской СШ летом 1980 года. Отсюда отправлялись наши лётчики бомбить врагов во время весенне-летнего наступления 1944 года. Рядом, в деревне Зелёновка, в оградке у памятника погибшим в огне карателей жителям этой деревни, было установлено несколько памятников погибшим лётчикам, взлетавшим с аэродрома Зелёновка. Дневник лётчика, взлетавшего с аэродрома Кузьмино и похороненного на Бескатовском кладбище, привёз в Стадолиценскую школу в 1980-м году из Грузии его брат.

В зелёной бы вселенной –
Ромашки собирать! –
А нам – лугов военную
Историю писать.
Отсюда поднимались
В «до фронта» перелёт.
Ты выполни задание,
Фантазии полёт.

Им не хватило топлива?
Обринулось крыло?
С расчётной траектории
Опасно увело?

Кометою взрывается
Военный самолёт,
Живым не возвращается,
Отчаянный пилот.

Навечно захороненным
Найдём его в торфу...
Пред соколами огненными
Вечно мы в долгу.

Запишется в историю:
«Героем был пилот!
Аэродром Зелёновка –
В бессмертье перелёт».

2006 г.

Конец декабря сорок третьего года

По воспоминаниям почётного гражданина г. Городка, участника Великой Отечественной, успешного изобретателя Кожевникова Рувима Захаровича о его коротком солдатском отпуске.

О родине затосковал земляк.
С боями воротился в сорок третьем,
А дома не отыщется никак...
И сиротою прибыло на свете.

И горе смяло вечно дорогих
Смела войны священная корова...
Сжигала боль, ну, далее не живи,
Зови у смерти способа любого...

Родимый город разорённо нем,
Увидела согбенная соседка -
И слёзно о войне и о войне,
А главное: «Свои их съели, детка,
Их выдал наш такой-то, выдал свой,
Когда они укрылись в подполе...»
Оружие нагрето под рукой,
И, ни минуты не помедлив болей,
«Где он, предатель, затаился, хват?» -
Искал иуду в Городке солдат,
Немерено решимости и пуль,
Но рядом фронт, и начеку патруль.
Задержан неуёмный дебошир...
Усталый лейтенант в комендатуре
Учил, когда он душеньку излил:
- Не верь, вояка, кляузной натуре!
Полгорода повыбило вражьё,
От старого до малого, ребятки,
Всевидящи они, как вороньё,
Всеслышащи, и не укрыться в хатах,
А тысячные траурные списки?
Дойди своей горячей головой -
Из боли вырывали, из колыски,
Предатель и не требовался твой.
Враги людей замуровали в гетто,
Германец волю посулить сумел -
Семействами погоревали лето,

По осени – загнали под прицел.
И надо разбираться не с соседом -
А вандалом-немцем, что пока силён,
За варварами ринемся по следу,
Пока не перекулим их знамён,
Пока не доберёмся до Берлина,
До фюреровых бункеров литых,
Я Гитлера бы на штыке подкинул -
Моих сгубили, ровно как твоих.

А если, правда, наследил предатель,
Доброжелатель как наговорил,
Его свои уже за горло схватят,
Когда мы до Берлина допылим...

К заре – земляк во фронтовом окопе,
Над головой черно от воронья...
Вела бойца по огненной Европе
Печаль неисцелимая, вела...
2017

Спаситель

По рассказу разведчика Ивана Васильевича Дорощенко, кавалера ордена Славы трёх степеней. Это слышали ученики 8 «Г» класса СШ №44 г. Витебска на встрече с ветераном в Городокском музее в 1997 году, а городокские школьники слышали этот рассказ на каждой встрече с ветераном.

Ночную двинули разведку,
Вернуться рано приказав,
Не всех Создатель же на заметку,
На сохранительную, взял,

Один ошибся и украдкой
Надумал карту осветить,
Была ожесточённой схватка...
Но что один против пяти?

Пленённого избили зверски,
Скрутили, бросили в подвал,
И часовой в личине мерзкой
За дверью тяжелой стал.

Клянёт боец и плащ-палатку,
И свой неловкий огонёк,
Сначала всё легло не гладко,
И он судьбинину просёк,

Наутро обновится пытка,
За ней – коротенький щелчок,
И всё, разведка, карта бита,
Ну промахнулся ты, браток.

Родные сладкие просторы
Тебе уже не обнимать,
Пойдут суды и разговоры,
Заголосит, заплачет мать...

И укорял себя, буянил,
Плевался кровью и слезой,
За дверью оглушённых камер
Сменился ночью часовой.

Замок упал с рычаньем волка,
Гортанный голос, как из горна,
А в слове никакого толка:
«Вонборна, Ян! Иван, вонборна!»

Разведчик выгнулся дугою,
Готов и драться, и кричать,
Но часовой над головою
По-русски вдруг: «Иван, шагать!»

Ушёл по вражьему приказу,
И выход за стеной нашёл,
И в жизни не жалел ни разу:
Рассветный луч к своим довёл.

Знал часовой о тайном люке,
Рискуя, русского спасал,
Всечеловеческой науки
Урок великий преподавал.

Его братушку-славянина,
Иван искал до донца дней,
Но тот пропал, наверно, сгинул,
В военном жертвенном огне.

В живых оставленный разведчик
Спасителю свой отдал долг,
И в каждой ветеранской речи
Звучал и странный монолог.
И жил рассказ о человеке,
Который сотворял добро,
Хоть крови разливались реки
И жгло фашистское ярмо.
Всегда ль, когда забыли боги
И под угрозой твой век,
Восстанет на беде-дороге
Тако великий человек?

2017

Главная присяга

*Давайте, Люди, без войны
Свершать желания и нужды,
А матери? Мы первыми должны
Доказывать: войны землянам чужды.*

Пора сынов учить начать
Не одному, как ложку взять
И как не замутив водицы,
Развесим слово «Мир»
На сайты, на страницы,
Пускай мужчины юные клянутся.
И в берцы-вездеходы не обуься,
Не заполнять собою камуфляжи,
И каска им на голову не ляжет,
Не выгаркнет убийства пулемёт,
Не налетит военный самолёт,

Не захоронят гусеницы танка
Цветок-забаву на лесной полянке,
И атом, запечатанный в ракете,
Не навредит Кормилице Планете...

На Гербе поля, неба Флаге
Возможно привести к такой присяге!
2019 г

Алка

Приходили женщины с войны...
Приносили милые бойцы
Раны, ордена, детей-полусироток,
Чьи отцы: кто лёг у пулемёта
Кто не думал, не гадал в отцы,
Кто чурался фронтовой жены,
Кто не вышел из густого боя,
Кто не видел никакой вины,
Что играет женскою судьбою.

Говорили: «Спишет им война...»
Но война нам подарила Алку!
Боевой и гордою росла,
Не сироткою какою жалкой.

Мы дружили с дочерью войны,
Озорной, задорной запевалой,
К ней бежали ласковые сны
На краю села в избёнке малой.

Золотой своей гордилась мать –
Драгоценной женскою наградой –
Не любила только вспоминать,
Мол, тревожить прошлое не надо.

Совершая долгий подвиг свой,
Поднимала доченьку счастливой,
Ежедневно повторяя бой
С одичавшей непокорной нивой.

И пока подруженька моя
На ноги уверенно не встала,
Воевала мать, не уставала,
Под косыночкой седину тая.

2019 г.

Фронтовики – брат и сестра Савелий и Агафья Якушенко, возвратясь с войны, нашли на родном подворье только ветхие баньку и гумно. Дом и другие постройки уничтожили бои. Учитель математики Первомайской школы Савелий Семенович Якушенко в конце сороковых построил дом в д. Ложани. Семья Агафьи ютилась в баньке до 60-х годов. Новый дом для матери в д. Поташня возвела семья подростицей дочери.

О садах, об их военной доле

Из бесед с Красноберской М. Е. , Малаховой И. М. , Архиповской М. В. (деревни Ложани, Вархи) известно, что фашисты гоняли вырубать деревья и кустарники вдоль железной дороги, шоссе и в придорожных деревьях. Старики, женщины и подростки вынуждены были обеднять свой прекрасный край.

До войны – деревня как деревня –
Дом и сад, и яшень-великан,
Но боялись фрицы нападения
На дороги, рейдов партизан,
И сады, и милые аллеи
Разъяренно клали под топор,
Обречённо улицы немели,
Огибая вылинялый двор.
Потому в послевоенном детстве
Яблоня была за благодать,
Янтари смородины соседской
Не мешали юным собирать.
Подросли в конце пятидесятых
«Коробки», «наливы» и «апорт»,
Полюбилось пробовать ребятам
За соседней изгородью сорт.
Кто моложе вряд ли догадался,
Что сады порушила война,
Скажут им, кто сиротой остался
И кого растила мать одна,

Не смолчат: «Пытали немцы в школе,
Полицаи гнали на расстрел...»
О садах, об их военной доле
Им никто поведать не сумел.

Братья-сёстры рано помудрели,
В мир, который выгрызла война,
Век сажали яблони да ели
У ворот, у каждого окна.

2020

Заложники

По публикации районной газеты известно о том, что летом 1943 года были арестованы дети и подростки из деревни Вархи и почти 4 месяца содержались в неволе как заложники после диверсии партизан на железной дороге.

Взрывом деревня седая разбужена,
Люд партизан привечал и встречал,
Схвачены немцем не сила-мужество,
Те, кто бы с куклою доброй играл.
Взяли в заложники Люду Малахову,
Юного ангела, локоном прядь,
Мама и сёстры молились и плакали...
Кроме моления, чем защищать?
Взяли в заложники юных ровесников,
Им бы весёлые книги читать.
Вражеским адом их детство осмертено.
Послевоенным того не понять...
Строгой жила дальше Люда Малахова,
Жизнь трудовая по будням влекла,
А налетало бывшее – не плакала,
Слабой, безвольною быть не могла.
Гордо жила эта женщина строгая,
Нам на добро отвечая добром,
С детства легла ледяною дорогою
В тёмной косе её прядь-серебром.

2020

Не знали мы беспечные

Памяти Ильи Платоновича Янченко – кавалера орденов Славы трёх степеней, жившего в середине 20 столетия в казарме 520 км. У станции Росляки. Стихотворение написано по воспоминаниям соседей семьи Янченко, ровесников сына-героя Пруссовых.

Соседа, беспокойного и строгого,
Героем признавать мы не могли,
Не раз из сада вытурил. Дорогою
На велике попробуй догони.
А сын соседов числился зазнайкою,
Зубрилою считался из зубрил,
Не раз его, отличника, всезнайкою
Один из нас, ровесников, дразнил.

Не знали мы беспечные, не ведали:
Сосед нам отвоёвывал мир,
И он – Герой, который за Победою
В разведки боем грозные ходил,
И вынес дважды на себе знамёна
На поле брани гибнувших полков,
И на счету его приказами сочтённые
Ряды спасённых жизней и мостов.

Сегодня опоздали мы с восторгами
Его отвагой, мирной простотой,
Солдатской Славы главным орденом,
Пяти фронтов дорогой боевой,
Но мы не опоздали с подражанием
Минулых дней прославленным борцам,
Что Родину спасли от растерзания
И передали под защиту нам.

2020

В кухне войны и мира

или невыдуманная история, к счастью, редкая для родных мест

Вот у фрицев новый поварёнок,
Ловок, услужить всегда готов,
Рус он, синеглаз и тонок,
Нет ему шестнадцати годков.
Кухнею доволен поварёнок,
Груды пуль туда не намело...
Вслед за немцем двинул... Несмышлённый
В совершеннолетие своё?

В майский день салютами встречала
Родина свободное житьё,
Беглому в свободе отказала
Как не заслужившему её.

Дома был в году в пятьдесят пятом
С «оттепели» звонкою грозой.
Что наплёл он матери? Понятно,
Он укрылся за родной слезой.

Узником невиннейшим бесчестно
Он своей представился семье.
Правда даже внукам неизвестна.
Молча ждут архивы КГБ...

Лучше бы не знать о том, конечно,
Да куда в Истории девать
Этих наших слабеньких и грешных,
Души чьи коверкала война?

Историческая правда

Сведения о военной судьбе Иванцова Романа Фомича (дер. Шикени) стали известны его внуку Шкредову С. Н. только в декабре 2018 года, благодаря поиску краеведа С. И. Садовской.

Шагнул в окоп немолодой солдат,
Обрёл семью на вечную разлуку,
На слёзы-голошенье: «Где ты? Как?»

Известие дошло к седому внуку:
«Лежит под Ковно умерший от ран,
А мавзолеей – соседнею Литвою».
Вопрос потомку нешутейный дан:
«А есть ли крест, звезда над головою?
Литва, она, наверное, не та,
Давно прилита сердцевиной к НАТО,
Уже другой идеей занята,
И не в чести советские солдаты?»
Спаситель – он в любом краю велик,
Укрыв собою миллионы жизней,
Неужто, в наш огнеопасный миг
Литве по нраву лозунги нацизма?
Конечно, знает мудрая Литва:
Могло иначе в ту войну случиться –
Она сама могла навек забиться
В кровавых гитлеризма рукавицах...

Не понидай седою головой,
Ты помни, внук погибшего солдата:
Твой дед – для всей, для всей Земли - Герой,
И это неизбывно, вечно, святою

2018

Матери и война

I

Муж Марии Кузнецовой, фронтовик Кузнецов Сергей из деревни Яново, вернувшись с фронта домой, упрекал жену: «Не уберегла сына, Маруся». Семилетний Гена Кузнецов умер, получив воспаление лёгких во время карательной экспедиции фашистов.

Добрая пригожая Мария,
Первенца в войну не сохранив,
С ним до своей смерти говорила,
Словно рядом он и словно жив.

Будто в тёмном логове землянки
Сына не изматывал озноб
И на заболоченной полянке
Плакал не над ним расстрига-поп.

Видно, ей не позволяло что-то
Помнить убивающую цепь,
Немцами открытую охоту
Не растивших яблони и хлеб

Что же вы вините матерей?
Вспомните-ка истинных зверей.
Матери безвинная вина,
Что упала на судьбу война.

II

Памяти Клавдии Терентьевой и её сына Ивана из казармы 523 километр.

Нам уже не встретиться
В мире лоз-раakit,
Где семья Терентьевых
Выстроила быт.
Взрослым вечно главное –
Счастье детей,
Дочери забавные,
А про сыновей:
Оба – парни рослые,
Младшенький – огонь,
Старшего и взрослого –
Лучше и не тронь,
Людам не понятен он,
В нём же всё не так:
Скворушка за пазухой,
Бусами – ужи,
В слёзы – слово сказывай,
Громче не скажи,
Мечется, пугается,
Прячется во ржи,
К матери бросается,
Взрослый, а дрожит.
Родом не убогий он,
Всё виною – бес –
В сорок первом, огненном
Грохнуло с небес,
Первенец же, старшенький,

Охнул и упал,
Страшен, непонятен
Мир ребёнку стал.
Знахари и лекари –
Зря, им не помочь...
Зов-молитва матери
Рвёт, бывало, ночь,
Дом не покидала
Бывшая война,
В ночь бросала Клавдия
Горькие слова.
Клич летел не к Боженьке –
К разуму людей:
«Люди, обезбожили?
Губите детей!
Землю изничтожите,
И не жить на ней...»
Рядом наотгладила
Лежбище война –
В сердце моём Клавдии
Ожили слова:
«Люди! Обезбожили,
Губите детей!
Землю изничтожите,
И не жить на ней...»

III

Не за горами и столетие со дня окончания войны. Но земляки мои помнят семьи, в которых с фронтов матери не дождались сыновей. В маленьких деревеньках Городокского района: Вархах, Ложанях, Веремееве, Туринце...изнывали от горя маиеринские сердца в семьях Павленко, Болвановых, Изофатовых, Беляевых, Гавриленко, Мирук, Голова, Титовых, Терешихиных...По два сына потеряли Романенко, Шарковы, Корешковы, Купреевы...

С сорок третьего и в сорок пятом
Чёрной стаей свирепых зверей
Фронт сюда похоронок накатывал...
В клочья – думы, миры матерей.
Вас соседки умели откачивать...
Дальше чем обездоленным жить?
Горькой болью избёнки окатывал
Божий лик, продолжая светить.

Пенсий рубль – оскорбительной платой –
Память – кроха не более, ничто,
Серп в руке и топор да лопата.
Сердце не замолкало: «За что?
Мне – за что? А вернулись же многие,
Пусть калеками и с костылём,
Без руки, даже правой, безногими,
Их бы нянчил родительский дом...»

Так и жили: не были, а маялись,
Что ни день, что ни вдох – новый стон,
Там желанную встреченьку чаяли,
Где ведёт переправу Харон...

IV

«...Крон (титан) приказал жене, Рее, приносить ему родившихся малюток и проглатывать их. Последнего сына – Зевса – Рея пожалела. Она поднесла спелёнутый камень, и Крон проглотил его. Рея укрыла Зевса на острове Крит...»

Из мифов Древней Греции

Моего понимания выше
То, что в мире творится войной...
Как мы, люди, едим, спим – не слышим
Голос разума в спешке крутой?

Тем, кто факел беды поднимает,
Им самим не грозит - умереть,
Тьмы чужих дорогих погибают,
Им же – доллар копить, руки греть.

Мир трудяг вечно слабо стенает.
Нам бы выискать злыдней, судить,
Если кто недобро затевает,
Сверхметаллом привычно звенит.

Швеи, пекари и поэтессы –
Мы все – матери. Мало вопить!
Вечным грозным Нюрнбергским процессом
На Земле нам положено жить.

Мы рожаем - они убивают,
Метко целятся в нас и сейчас,

Дикий Крон сыновей пожирает.
Дремлешь, Рея, живущая в нас?
2020

О главном законе

Я знаю: ноют руки и спина
И пальцы рвёт натруженности сила,
Ведь льна с полей гектары подняла
И травицу-муравицу сушила,
Стада пасла и гнулась в борозде,
Мороз и хлябь небесную сносила –
Как весь народ, и в мире, и в труде,
Как все, за всё злой болью заплатила,
Оплачена бессонницею жизнь
Не только у дочерней колыбели,
Но и когда часы бедой рвались,
Над свежеею могилою седили,
Я знаю, что услышать детворе
На митинге вопросов и сомнений...
Но я не знаю, как же нам и где
Ответ найти для главного решенья:
Как сделать мир законом на Земле,
Явь трудовую – ровной и спокойной,
Беззлобною, бескилерной, безвойной
И существа разумного достойной?
«Наивная надежда!» - скажут мне...
Создать бы настоящие ООНы,
Чтоб не жиреть на Фордовой родне,
И Трамповым нахальным компаньонам,
Чтоб думал в них Наш Человек Труда
О работагах и кормильцах мира
И не позволил далее убивать,
А МИР действительно был

Долгом
И Кумиром

2020

Не удалось из памяти изъять

Ольга Захаровна Сивцова, чьи юные годы совпали с войной, вспоминала, как расправились фашисты в конце ноября 1942 года с жителями деревни Мамчиково, отцы, сыновья и братья которых были партизанами. Братья Ольги Захаровны –Тарас и Евгений Исаковы тоже воевали в лесных отрядах. Нагрянувшие немцы и полицейские окружили деревню. Убили Улиту Емельянову. Остальных по сугробам погнали, как скот. Юную Ольгу Исакову (Сивцову) привязали к оглоблям. В. Поташенской управе – в бывшем здании Первомайской школы – били и выбрасывали на мороз, в перерывах допрашивая через переводчицу. Затем пленники стали узниками Городокской немецкой тюрьмы. В 1943 году Ольгу Исакову (Сивцову) и Степанову Елизавету отправили в концлагерь в Германии, потом заставили работать на немецкие семьи.

Белым-бело. В деревне партизаны,
На вечер дома братья-сыновья,
Родным готовы ужины да бани –
Малейшее от мирного житья.
Не медлят войны с выдачей приказов –
Карателей назавтра снег принёс,
Кого убили, кто пленён и связан,
А юную – в оглобли. Тянет воз
По леса горько замершему царству.
И резал кнут, обида дико жгла:
«Земля, зачем ты повернула к рабству,
Бичи да пули варварам дала?»
А далее - боль и слёзы избиенья,
За Одер бросит грозная судьба,
Почти три года мук и униженья,
Гаданий, чем закончится борьба...

Заславный век и мира, и свободы
Не удалось из памяти изъять
Полозьев стон, удары из подводы
И нелюдей горланящую рать.

2020

